

Дети разума

Автор:

[Орсон Кард](#)

Дети разума

Орсон Скотт Кард

Эндер Виггин #5

Большая игра Эндера близится к своему завершению. Но прежде, чем выйти из нее, Эндрю Виггину предстоит выдержать еще немало испытаний. Карательный флот по-прежнему стремится уничтожить мятежную Лузитанию. Вирус десколады успешно преодолевает любые попытки взять его под контроль. Совет Ста Миров санкционировал убийство Джейн, близкого друга Эндера Виггина, и хотя это не так-то просто сделать, дни ее сочтены. Да и время самого Эндера тоже утекает, как песок сквозь пальцы...

Казалось бы, на столь мрачном фоне не остается места надежде на лучшее будущее. Но пока живо разумное начало, дарующее смысл и форму всему во Вселенной, игра будет продолжаться.

Орсон Скотт Кард

Дети разума

© А. Жикаренцев, перевод, 2014

© А. Жемерова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

* * *

Самая сильная из вещей Карда. «Говорящий» не только продолжает «Игру Эндера», он превосходит ее.

Fantasy Review

История, рассказанная с состраданием и обостренным пониманием, мощный сиквел к «Игре Эндера».

Library Journal

Почти невозможно оторваться.

Locus

1

«Я - это не я»

Мама. Папа. Правильно ли я поступила?

Последние слова Хань Цин-чжао, выдержка из книги Хань Цин-чжао «Шепот богов»

Си Ванму шагнула ему навстречу. Юноша по имени Питер взял ее за руку и провел в космический корабль. Дверь тихонько закрылась.

Ванму опустилась во вращающееся кресло, которых было несколько в комнатке с металлическими стенами, и с любопытством огляделась по сторонам, ожидая увидеть нечто необычное, нечто новое. Если бы не стены из металла, весь корабль вполне мог сойти за один из деловых офисов планеты Путь. Не то чтобы комнатка блистала чистотой, но выглядела она вполне пристойно. Немножко мебели, самое необходимое. Ванму не раз видела голограммы космических кораблей – обтекаемых истребителей и трансатмосферных шаттлов, громадных, округлых судов, способных при необходимости развивать скорость, почти равную скорости света. Острые, всепроникающие иглы и массивные, огромные кувалды. Но это суденышко несколько не вписывалось в общепринятый образ. Изнутри так самая обыкновенная комнатка.

А где пилот? Ведь должен быть пилот, вряд ли юноша, сидящий напротив нее и что-то диктующий компьютеру, управится с кораблем, обгоняющим свет.

Хотя, наверное, именно он и есть пилот этого судна, поскольку других дверей, ведущих в соседние помещения, не видно. Снаружи космический корабль выглядел совсем крохотным; очевидно, внутри его оболочки только и хватило места, что на эту комнатку. В углу располагались аккумуляторы, хранящие запас энергии, полученной от солнечных батарей на носу суденышка. Тот ящик, скорее всего, служит холодильником, в котором, должно быть, хранятся еда и напитки. Вот и все, минимум удобств. Где же романтика межзвездных перелетов, если больше ничего не требуется? Обыкновенная комнатка.

Поскольку заняться было нечем, Ванму принялась разглядывать сидящего за терминалом юношу. Он назвался Питером Виггином. Именем древнего Гегемона, того самого, который первым объединил человеческую расу, а случилось это в те времена, когда люди еще ютились на одной крошечной планетке, когда нациям и расам, религиям и философам приходилось то и дело сталкиваться друг с другом, потому что уйти было некуда, разве что в земли своего соседа. Тогда небо было потолком, а пространство – огромной пропастью, которую в жизни не пересечь. Питер Виггин, человек, который правил всей человеческой расой... Конечно же, это не он, тем более он сам в этом признался. Его послал Эндрю Виггин; мастер Хань сказал, что Эндрю Виггин каким-то образом создал его. Значит, великий Говорящий от Имени Мертвых является отцом мертвого Питера? Или же Питер – брат Эндеру? Действительно ли этот юноша унаследовал тело и разум Гегемона, умершего три тысячелетия назад?

Питер закончил бормотать, откинулся в кресле и вздохнул. Потерев глаза, он потянулся и крикнул. Очень невежливо по отношению к присутствующему в комнате постороннему человеку. Такого беспардонного поведения можно ожидать только от неотесанного крестьянина.

Похоже, он каким-то образом почувствовал ее неодобрительный взгляд. А может, совершенно забыл о ней и только сейчас вспомнил, что теперь путешествует не один. Повернув голову, он взглянул на Ванму.

- Прошу прощения, - произнес он. - Совсем забыл, что я не один.

Ванму захотелось ответить так же прямо, хотя всю жизнь ее отучали высказывать свои мысли вслух. Но ведь он-то нисколько не смущался, когда его корабль, словно гриб, вырос на лужайке у реки. Именно тогда Ванму впервые увидела Питера - он вышел из судна, держа в руках пробирку с вирусом, который должен был излечить ее родной мир, мир под названием Путь, от генетической заразы. И пятнадцати минут не прошло с того момента, как он взглянул ей прямо в глаза и сказал: «Полетели со мной, и ты войдешь в историю. Ты сама будешь творить историю». Несмотря на весь свой страх, она согласилась.

Согласилась и вот теперь сидела во вращающемся кресле, а он тем временем демонстрировал свои отвратительные манеры, потягиваясь перед ней, как тигр. А может, и вправду в нем жил тигр? Ванму читала историю Гегемона, поэтому вполне могла поверить, что в душе этого великого и ужасного человека обитал тигр. Но этот мальчишка?.. Он, несомненно, старше Ванму, однако за свою жизнь она научилась с первого взгляда распознавать незрелость и неопытность. И он собирается изменить ход истории! Разобраться с коррупцией, захватившей Конгресс. Остановить флот, направленный к Лузитании. Сделать планеты-колонии равноправными членами Ста Миров. Мальчишка, который потягивается, словно огромная кошка...

- Что мне с того, одобряешь ты меня или нет, - сказал он.

Голос его звучал одновременно обиженно и насмешливо. Хотя Си Ванму была не вполне уверена в собственных выводах. Попробуй прочитай выражение лица, когда глаза не вытянуты в уголки, а круглые, как плоские. Лицо и голос Питера содержали какие-то намеки, но Ванму еще не научилась распознавать их.

- Ты должна понять, - продолжал он. - Я - это не я.

Ванму достаточно хорошо изъяснялась на звездном, но не сразу поняла, что Питер имел в виду:

- Ты хочешь сказать, что неважно себя чувствуешь?

Уже произнеся слова, она осознала, что речь идет не о каком-то там недомогании.

- Я - это не я, - повторил он. - На самом деле я - не Питер Виггин.

- Надеюсь, что так, - кивнула Ванму. - Я еще в школе читала о том, что он давным-давно умер.

- Хотя я очень похож на него, как ты считаешь?

Голограмма Гегемона, вызванная им, повисла над терминалом компьютера и повернулась к Ванму. Питер поднялся в кресле и принял похожую позу.

- Ну, какое-то сходство имеется... - нерешительно промолвила она.

- Сделай скидку на возраст, - напомнил Питер. - Эндер покинул Землю, когда ему было... сколько, пять? В общем, он тогда был совсем малявкой. И с тех пор мы больше не виделись. Так что, сотворив меня из воздуха, он придал мне тот образ, который помнил.

- Только не из воздуха, - поправила Ванму. - Из ничего.

- Как определение «ничто» тоже не годится, - возразил он. - В общем, он вызвал меня. - Питер нехорошо ухмыльнулся. - Я духов вызывать могу из бездны...

Эти слова наверняка что-то значили для него, но она их смысл не уловила. На Пути она с детства воспитывалась как служанка, поэтому образование получила не из лучших. Лишь сравнительно недавно, в доме Хань Фэй-цзы, ее способности были замечены: сначала на Ванму обратила внимание ее бывшая хозяйка Хань Цин-чжао, а потом и сам хозяин. Только тогда началась ее настоящая, хотя и

несколько бессистемная учеба. Знания, приобретенные ею, касались в основном технических наук, а литература, с которой она знакомилась, происходила либо из Срединного Царства, либо с самого Пути. Ванму могла бесконечно цитировать великую поэтессу Ли Цин-чжао, чье имя носила ее бывшая хозяйка. Но автора тех стихов, что цитировал Питер, она не знала.

– Я духов вызывать могу из бездны, – снова повторил он. А затем, несколько изменив голос и манеру, ответил сам себе: – И я могу, и каждый это может. Вопрос лишь, явятся ль они на зов?[1 - Шекспир У. Генрих IV (пер. Е. Бируковой).]

– Шекспир? – наугад назвала она.

Питер довольно ухмыльнулся. Так ухмыляется кошка своей жертве, с которой играет.

– Если европеец цитирует какие-нибудь стихи, называй Шекспира, никогда не ошибешься, – объяснил он.

– Забавная цитата, – сказала она. – Один человек хвастается, будто умеет призывать души мертвых. Тогда как другой отвечает ему, что призвать их несложно, вся соль в том, чтобы заставить их явиться.

– Забавное у тебя понятие о юморе! – расхохотался Питер.

– Эта цитата, очевидно, что-то значит для тебя, поскольку Эндер вызвал тебя из мира мертвых.

Это заявление несколько ошеломило Питера.

– А ты откуда знаешь?

Холодные мурашки пробежали по ее коже. Возможно ли это?

– Я не знаю, я только пошутила.

– Так или иначе, это неправда. Эндер не умеет воскрешать мертвецов. Хотя он наверняка считает, что, если возникнет такая необходимость, он без труда

решит и эту задачку. – Питер вздохнул. – Я начинаю нести всякие гадости. Говорю то, что приходит на ум. На самом деле я так не считаю. Просто болтаю то, что приходит в голову.

– Но можно сдержаться и не высказывать свои мысли вслух.

Он закатил глаза:

– В отличие от тебя меня не учили покорности и послушанию.

Вот оно, отношение свободнорожденного человека. Служанка, хоть она стала таковой не по своей воле, заслуживает лишь насмешки.

– Меня учили, что сдерживать оскорбительные речи означает проявить вежливость, – сказала она. – Хотя ты, возможно, считаешь, что вежливость – это обязанность только слуг.

– Как я уже сказал, Владычица Запада, всяческие оскорбления сами сыплются с моего языка...

– Я не Владычица, – перебила его Ванму. – Надо мной жестоко посмеялись, дав мне такое имя, и...

– И только очень злой, бессердечный человек может издеваться над твоим именем. – Питер ухмыльнулся. – Но я ношу имя Гегемон. Поэтому я подумал, что, может быть, глупые, незаслуженные имена, которые мы с тобой носим, – это то общее, что нас объединит.

Она замолкла, обдумывая вероятность того, что он на самом деле хочет стать ей другом.

– Я существую очень недолго, – произнес он. – Всего несколько недель. Думаю, мне следует поставить тебя в известность об этом факте.

Она окончательно запуталась.

– Тебе известен принцип действия этого судна? – спросил он.

Он перепрыгивает с темы на тему. Испытывает ее. Что ж, за свою жизнь она прошла немало испытаний.

– Человек заходит в него, садится в кресло и подвергается допросу невоспитанных незнакомцев, – ответила она.

Он улыбнулся и кивнул:

– Можешь выражать свои мысли без малейших стеснений. Эндер предупредил меня, что ты не любишь выслуживаться.

– Я была верной и преданной служанкой Цин-чжао. Надеюсь, Эндер не солгал тебе об этом.

– Я хотел сказать, что ты обладаешь собственным, независимым мышлением, – поправился Питер и снова окинул ее пристальным взглядом. Опять у нее возникло чувство, будто его внимательные глаза видят ее насквозь. Точно так же он смотрел на нее там, на берегу реки. – Ванму, помнишь, я сказал, что был создан? Так вот, это не метафора. Меня создали, понимаешь, я не был рожден. И то, как меня создали, имеет отношение к тому, как перемещается в пространстве этот корабль. Я не хочу снова растолковывать уже известные тебе вещи, но, чтобы понять, зачем ты мне понадобилась, ты должна узнать, что? я есть на самом деле – именно что, а не кто. Поэтому я еще раз спрашиваю тебя: тебе известен принцип действия этого корабля?

– Вроде да, – кивнула она. – Джейн, существо, обитающее в компьютерах, удерживает в своем разуме как можно более четкий и подробный образ корабля и всех, кто в нем находится. Пассажиры также стараются как можно более точно запомнить, кто они такие, как выглядят и так далее. Затем Джейн перемещает судно из реального мира туда, где ничего нет, – это не занимает ни секунды, – после чего возвращает корабль в то место, в которое пожелает. Что также не требует времени. Поэтому космический корабль перемещается с планеты на планету в мгновение ока, а не летит меж звезд долгие годы.

Питер одобрительно кивнул:

– Очень хорошо. Только ты должна понять, что корабль, оказавшийся во Вне-мире, окружает вовсе не пустота. Вокруг него роится бесконечное число айю.

Она отвернулась от него.

– Ты не понимаешь, что такое айю?

– Вы говорите, что люди существуют вечно... Что мы старше самых древних богов...

– Что-то вроде того, – поморщился Питер. – Только о тех айю, что находятся во Вне-мире, нельзя сказать, что они существуют. Во всяком случае, они существуют не в общепринятом смысле этого слова. Они просто... просто находятся там. Хотя нет, это тоже неправильно, потому что «находиться» они не могут, нет того самого «там», где они могут существовать. Они просто существуют. Пока некий разум не призовет их и не даст некое имя. Тогда они организуются, приобретая форму и очертания.

– Глина может превратиться в медведя, – задумчиво сказала Ванму, – но пока она лежит мокрой и холодной на берегу реки, этого не произойдет.

– Именно. Поэтому Эндер Виггин и с ним еще несколько человек, с которыми, при некоторой доле везения, тебе никогда не придется встретиться, предприняли первую вылазку во Вне-мир. На самом деле они никуда не летели. Целью первого путешествия было задержаться во Вне-мире, пока одна женщина, весьма талантливый генетик, не создаст новую, чрезвычайно сложную молекулу, строение которой она держала в своей памяти. Правда, сошла бы и любая другая молекула, лишь бы она отвечала некоторым требованиям... Ладно, не буду объяснять, все равно твоих знаний по биологии не хватит. В общем, эта женщина сделала все, что необходимо, создала новую молекулу, ура-ура, но вся проблема заключалась в том, что не она одна в тот день решила посвятить себя созиданию.

– Тебя создал разум Эндера? – уточнила Ванму.

– Неумышленно. Я, если можно так выразиться, стал несчастным случаем. Отходом производства. Надо сказать, что в этом Вне-мире все и вся буквально помешано на созидании. Тамошние айю только и ждут удобного момента, чтобы

во что-то превратиться. К примеру, вокруг нас появилось множество зеркальных отражений нашего корабля. Со всех сторон появлялись и тут же исчезали всевозможные неясные, размытые, фрагментарные, хрупкие, эфемерные призраки. Но четыре образа остались. Одним из них стала та генетическая молекула, которую сотворила Эланора Рибейра.

– И одним из них был ты?

– Да, правда, боюсь, самым неинтересным и скучным. Наименее любимым и желанным. На корабле присутствовал один парнишка по имени Миро, который некоторое время назад в результате трагической случайности серьезно пострадал, стал калекой. Говорил с трудом, ходил хромя, руки едва двигались... Так вот, он вызвал в своем разуме полноценный, четкий образ самого себя, каким когда-то был. И громадное количество айю не замедлило организовать в его точное подобие. Только он был повторен не таким, каким стал, а таким, каким когда-то был и каким мечтал стать. Следуя образу в его сознании, айю создали его совершенного двойника, целого и невредимого. Настолько совершенного, что это самое создание испытало глубокое презрение к тому искалеченному телу, в котором ютился Миро. Перед пассажирами корабля появился новый, восстановленный Миро – точнее, двойник старого, еще не искалеченного юноши. И вдруг у всех на глазах отвергнутое тело калеки рассыпалось в прах, превратилось в ничто.

Представив эту картину, Ванму судорожно вздохнула:

– Так он умер?!

– Нет, в этом-то все и дело. Неужели ты не поняла? Он выжил. Это создание стало настоящим Миро. Его айю – не те триллионы айю, что составляют атомы и молекулы его тела, а то, что управляет всеми ими, то, что содержит его «я», его волю, – эта айю просто переселилась в новое, совершенное тело. Его вместилищем стал воскрешенный Миро. А в старом Миро...

– Исчезла необходимость.

– В старом не осталось ничего, что смогло бы поддержать его форму. Видишь ли, мне кажется, наши тела связывает воедино любовь. Любовь главной айю к прекрасному, сильному телу, которое подчиняется ей, которое дает «я»

ощущение и переживания окружающего мира. Даже Миро, несмотря на все презрение, которое он питал к самому себе как к калеке, даже он любил жалкие останки собственного тела. До того самого момента, пока его айю не получила новое вместилище.

- И не переселилась туда.

- Хотя он даже не понял, что произошло, - подтвердил Питер. - Он просто следовал своей любви.

Ванму ни на секунду не усомнилась в этом необычном, сказочном повествовании, поскольку постоянно слышала упоминания об айю в разговорах между Хань Фэй-цзы и Джейн. История Питера Виггина целиком и полностью вписывалась в то, что она слышала. Его история просто обязана была быть правдивой - хотя бы потому, что корабль, появившийся на берегу реки за домом Хань Фэй-цзы, действительно возник словно из ниоткуда.

- Но сейчас ты, наверное, изводишь себя вопросами, откуда в том корабле объявился я, столь нелюбимый и нежеланный. Правда, я и сам не привык дарить любовь, но это не важно...

- Но ты уже говорил об этом. Из разума Эндера.

- Миро хранил в своем разуме юное, здоровое, сильное подобие себя. Но сознание Эндера занимали несколько иные образы - образы его старшей сестры Валентины и старшего братца Питера. Правда, его настоящий брат, которого звали Питером, давно умер, а Валентина... она сопровождала Эндера во всех его метаниях по космосу, поэтому дожила до нынешнего момента, постарев ровно настолько, насколько постарел он. В общем, она превратилась в зрелую женщину и была настоящим, существующим в нашей реальности человеком. Однако, переместившись на борту того корабля во Вне-мир, Эндер создал ее юное подобие. Юную Вэл. Бедная старушка Валентина! Она не отдавала себе отчета, насколько постарела, пока не увидела юную себя, это совершенное создание, этого ангелочка, который с раннего детства обитал в извращенном умишке Эндера. Должен сказать, в нашей маленькой драме Валентине досталось больше всего. Представляешь, каково это - узнать о том, что обожаемый братец лелеет в уме твой юный образ, вместо того чтобы любить тебя такой, какой ты стала! В общем, как бы Вэл ни отнекивалась, но все вокруг

– в том числе и она сама, бедняжка, – понимают, что? за испытание выпало на долю старушки Валентины.

– Но если первая Валентина еще жива, – непонимающе удивилась Ванму, – кто тогда юная Валентина? Кто она на самом деле? Ты можешь быть Питером, потому что тот давно мертв и его имя свободно, но...

– Забавная ситуация, не правда ли? – фыркнул Питер. – Но я хочу донести до тебя, что я не Питер Виггин, не важно, мертв он или нет. Как я уже говорил прежде, я – это не я.

Он откинулся на спинку кресла и уставился в потолок. Голограмма, висящая над терминалом, повернулась к нему. Хотя никаких клавиш он не трогал.

– Джейн тоже здесь, – заметила Ванму.

– Джейн постоянно крутится где-то поблизости, – нахмурил брови Питер. – Шпионит, чтобы Эндеру потом донести.

– Эндер не нуждается в доносчиках, – произнесла голограмма. – Он, скорее, нуждается в друзьях, если может приобрести таковых. Или, по крайней мере, в союзниках.

Питер равнодушно потянулся к терминалу и отключил его. Голограмма пропала.

Этот поступок очень не понравился Ванму. Как будто Питер ударил ребенка. Или избил служанку.

– Джейн – благородное существо, и не пристало обращаться с ней с таким неуважением.

– Джейн – это сбрендившая компьютерная программа, у которой вирус в одном месте завелся.

Очевидно, мальчишка, который взял Ванму в свой космический корабль и унес прочь с планеты Путь, пребывал сейчас в дурном настроении. Но она догадалась о причинах его мрачности и язвительности, только когда голограмма, стоявшая

все это время перед ее глазами, исчезла.

- Дело не в том, что ты слишком юн, а голограммы Питера Виггина, Гегемона, запечатлели облик взрослого человека... - пробормотала Ванму.

- Что? - раздраженно очнулся он. - Что не в чем?

- Ну, дело не в физическом различии между тобой и Гегемоном.

- А в чем же тогда?

- Он выглядит... удовлетворенным.

- Он покори́л весь мир, - напомнил Питер.

- Значит, проделав то же самое, ты будешь так же доволен жизнью, как и он.

- Думаю, да, - пожал плечами Питер. - Это и есть смысл моей жизни, если таковой имеется. Как раз эту миссию и поручил мне Эндер.

- Не ври, - упрекнула Ванму. - На берегу реки ты говорил об ужасных поступках, которые я совершила на пути удовлетворения собственного честолюбия. Признаю, я была честолюбива, я отчаянно жаждала подняться над той незавидной участью, которая была уготована мне от рождения. Мне знаком вкус и запах желаний, и я ощущаю, как от тебя пахнет амбициями, - так пахнет смола в жаркий день. Ты весь провонял этим запахом.

- Честолюбие? Стремления? Пахнут?

- Я сама пила из сей чаши.

Он широко ухмыльнулся, после чего коснулся сережки, висящей на ухе.

- Помни, Джейн все слышит и непременно доложит о нашем разговоре Эндеру.

Ванму замолкла – но не потому, что слова Питера ее оскорбили. Просто ей было нечего сказать, поэтому она ничего не ответила.

– Да, я честолюбив. Но таким создал меня Эндер. Я честолюбив, жесток, и в голове моей бродят отвратительные, грязные мыслишки.

– Но мне казалось, ты – это не ты, – притворно изумилась она.

Его глаза яростно блеснули.

– Правильно, я – это не я. – Он отвернулся. – Извини, Джеppetто, но я не могу стать настоящим мальчиком[2 - Отсылка к сказке Карло Коллоди «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» (1883). Джеppetто – мастер, вырезавший Пиноккио из бревна.]. У меня нет души.

Она не знала имени, которое он упомянул, зато прекрасно поняла слово «душа».

– В детстве я считала, что быть служанкой мне предназначено природой. И это означало не иметь души. Затем в один прекрасный день обнаружилось, что у меня все-таки имеется душа. Пока что это открытие не принесло мне особого счастья.

– Я не имею в виду некое религиозное понятие. Я говорю об айю. Которой у меня нет. Помнишь, что произошло с искалеченным телом Миро, когда айю оставила его?

– Но ты же не рассыпался в пыль, значит ты все-таки обладаешь айю.

– Это не я ею обладаю, это она обладает мной. Я существую только потому, что айю, чья непреодолимая воля вызвала меня к жизни, продолжает поддерживать мой образ. Она еще нуждается во мне, еще контролирует меня, заменяя мое «я».

– И это Эндер Виггин? – спросила Ванму.

– Да. Это мой брат, мой создатель, мой палач, мой бог, мое «я».

– А юная Валентина? Он и ее поддерживает?

– Да, только ее он любит. Гордится ею. Он рад тому, что создал ее. Меня же он презирает. Презирает, однако именно его волей я руководствуюсь, когда совершаю свои поступки и говорю всякие гадости. Так что, когда преисполнишься презрения ко мне, вспомни, что я все время иду на поводу у своего братца.

– Но винить его в том...

– Я ни в чем его не виню, Ванму. Я просто излагаю существующее положение дел. На данный момент его воля управляет тремя телами одновременно. Моим, моей сестренки – этого невообразимого ангелочка – и его собственным постаревшим, уставшим от жизни телом. Каждая айю, что обитает в моем теле, руководствуется приказами его айю. По сути дела, я – это Эндер Виггин. Создавая меня, он воплотил в моем теле то, что сам ненавидит и чего больше всего боится. Свое честолюбие; да, именно его честолюбие ты чувствуешь, впитывая запах моих стремлений. Он передал мне свою агрессию. Свой гнев. Свою жестокость. Ничего моего во мне нет, потому что я давно мертв. В любом случае я никогда не был таким, каким видел меня он. То, что ты сейчас видишь, – это пародия, насмешка! Я – извращенное воспоминание. Страшный сон. Кошмар. Я – то существо, что прячется под детской кроваткой. Он вызвал меня из хаоса, чтобы воплотить ужас детских лет.

– А ты не будь таким, – предложила Ванму. – Если не хочешь олицетворять все то, что ты только что наговорил, просто возьми и не будь таким.

Он вздохнул и утомленно закрыл глаза:

– Если ты такая умная, почему ж ты ровным счетом ничего не поняла?

Однако кое-что она все-таки поняла:

– Но что такое воля? Ее никто не видит. За тебя она не думает. Ты определяешь ее, только когда оглядываешься назад, на свою жизнь, и видишь последствия собственных поступков.

– Это и есть самая ужасная шутка, которую он сыграл надо мной, – мягко промолвил Питер, не открывая глаз. – Я смотрю на свою жизнь и вижу только те

воспоминания, которые он в меня заложил. Его забрали из дому, когда ему было всего пять лет. Что он знает обо мне и о моей жизни?

- Он написал книгу «Гегемон».

- Ага, основываясь на воспоминаниях Валентины, на том, что она ему рассказала. На документах, повествующих о моем блестящем, стремительном восхождении. И, разумеется, на тех нескольких разговорах по ансиблю, которые Эндер и мое прежнее «я» вели перед самой моей – его – смертью. Мне от роду всего несколько недель, но я легко цитирую «Генриха Четвертого». Диалог Оуэна Глендаура и Генри Перси по прозвищу Хотспер... Откуда я могу это знать? Разве я ходил в школу? Сколько бессонных ночей я провел, перечитывая старые пьесы и запоминая тысячи любимых строк? Или это Эндер каким-то образом вызвал на свет все то, что его мертвый братец изучил за долгие годы? Возродил его тайные мыслишки? Настоящего Питера Виггина Эндер знал всего пять лет. Я пользуюсь воспоминаниями вымышленного человека. Именно этими воспоминаниями, по мнению Эндера, я должен обладать.

- То есть ты знаешь Шекспира только потому, что это он считает, будто ты обязан его знать? – усомнилась Ванму.

- Если б только одного Шекспира... Если б это были только великие писатели и философы. Если б только эти воспоминания имелись у меня...

Она ждала, думая, что сейчас он начнет рассказывать о беспокоящих его воспоминаниях. Но он, передернувшись от отвращения, замолк.

- Но раз тебя на самом деле контролирует Эндер, значит... ты – это он. Значит, вот кто ты на самом деле. Ты – Эндрю Виггин. И обладаешь айю.

- Я – страшный сон Эндрю Виггина, – поправил ее Питер. – Я – то презрение, которое Эндер Виггин испытывает к самому себе. Я – все, что он ненавидит в себе и чего боится. Такой сценарий мне положен. Так я должен поступать.

Он сжал руку в кулак, а затем слегка разжал пальцы. Получилась когтистая лапа. Снова проявился тигр. Внезапно Ванму испугалась его. Правда, на какое-то мгновение. Он расслабился. Страх прошел.

– А какая роль в этом сценарии отведена мне?

– Не знаю, – помотал головой Питер. – Ты очень умна. Надеюсь, даже умнее меня. Хотя, конечно, мое тщеславие необъятно, и на самом деле я просто не верю, что другой человек может быть умнее меня. Но это означает, что я особенно нуждаюсь в добром совете – хотя сам считаю, что советов со стороны мне не потребуется.

– Ты говоришь парадоксами.

– В этом отчасти заключается моя жестокость. Разговоры со мной должны стать пыткой для тебя. А может быть, все куда запутаннее и глубже. Может, я должен запытать тебя насмерть, убить, как когда-то я поступал с белками. Может, я должен оттащить тебя в лес, прибить твои руки-ноги к корням дерева, а потом начать сдирать с тебя кожу, чтобы посмотреть, когда над твоим телом соберутся мухи и начнут откладывать яички на освежеванную плоть.

Картина, описанная им, заставила ее содрогнуться от отвращения.

– Я читала книгу. И знаю, что на самом деле Гегемон не был чудовищем!

– Меня создал не Говорящий от Имени Мертвых. Я был порожден испуганным малюткой Эндером. Я не тот Питер Виггин, которого он представил в своей книге. Я – Питер Виггин из его кошмарных сновидений. Я тот, кто свежует белок.

– Он видел, как ты это делаешь? – спросила она.

– Не я, – раздраженно огрызнулся он. – Нет, Эндер не видел, как он это делал. Об этом ему рассказала Валентина. Она нашла трупик белки в лесу, неподалеку от того дома, где они жили. Это произошло еще в Гринсборо, в штате Северная Каролина, что находился в Северной Америке на Земле. Но эта картинка настолько удачно вписалась в его страхи, что он не замедлил поделиться ею со мной. И с этим воспоминанием я живу. Умозрительно я могу представить, что настоящий Питер Виггин на самом деле вовсе не был жесток. Он учился и изучал. У него не было сострадания к белке, поэтому он потом не терзался угрызениями совести. Белка для него была просто животным. И ничем не отличалась от головки лука, к примеру. Наверное, расчленив зверька для него было все равно что нарезать салат. Но Эндер так не думает, а следовательно, и

я помню это несколько иначе.

– И как же?

– Мои воспоминания вымышлены. Они все взяты из Вне-мира. Чувство дьявольского удовольствия, которое я нахожу в собственной жестокости, буквально околдовывает. Мои воспоминания начинаются с того момента, как я возник на корабле Эндера, висящего во Вне-мире, и прошлую жизнь я вижу как бы чужими глазами. Очень странное ощущение, должен тебе признаться.

– А сейчас?

– Сейчас я вообще не вижу себя, – ответил он. – Потому что у меня нет собственного «я». Я – это не я.

– Но ты помнишь. У тебя есть воспоминания. Ты ведь помнишь нашу беседу. Помнишь меня. Во всяком случае, должен помнить.

– Да, – кивнул он. – Тебя я помню. И помню, как находился здесь, как смотрел на тебя. Но за моим взглядом нет «я». Я чувствую себя усталым и глупым, даже когда мозг мой работает вовсю и выдает одно гениальное решение за другим.

Он очаровательно улыбнулся, и снова Ванму заметила то, что различало Питера и голограмму Гегемона. Все обстояло так, как он сказал: какое бы презрение Питер ни испытывал к самому себе, в глазах его полыхал гнев. Он был опасен. Стоило хорошенько к нему приглядеться, и это становилось очевидно. Когда он смотрел на тебя, возникало ощущение, будто он прикидывает, как и когда ты должен умереть.

– Я – это не я, – повторил Питер.

– Ты утвердишь это, чтобы взять над собой власть, – догадалась Ванму. Это была даже не догадка, это была уверенность. – Ты твердо намерен удержать себя от того, чего жаждешь больше всего на свете.

Питер вздохнул и наклонился, положив голову на терминал и прижавшись ухом к холодной пластиковой поверхности.

- Так чего же ты жаждешь? - спросила она, заранее страшась ответа.

- Убирайся, - произнес он.

- Куда я уйду? В твоём корабле только одна каюта.

- Открой дверь и уходи, - сказал он.

- Ты хочешь, чтобы я погибла? Хочешь выбросить меня в открытый космос, где я замерзну, даже не успев задохнуться?

Он выпрямился.

- В открытый космос? - недоуменно переспросил он.

Она тоже смутилась. А где ж еще они находятся? Ведь космические корабли путешествуют именно по космосу.

Но только не этот.

Увидев, что она поняла, какую глупость только что сморозила, он рассмеялся:

- Ты действительно обладаешь блестящим умом! С ума сойти, мы целую планету переделали, чтобы возник такой гений, как ты?

Она постаралась не придавать значения едким насмешкам.

- Я думала, что почувствую какое-то движение. Или что-то еще. Мы что, уже перенеслись? Мы уже на месте?

- Мы переместились в мгновение ока. Побывали во Вне-мире и вернулись обратно, только в другом месте. Это произошло настолько быстро, что только компьютер мог бы заметить наше отсутствие. Джейн перенесла нас еще до того, как я закончил беседовать с ней. Еще до того, как мы затеяли этот спор.

- Тогда где мы? Что там, за дверями?

– Мы находимся в лесу, на планете под названием Священный Ветер. Воздухом можно дышать. И ты не замерзнешь. Там сейчас лето.

Она подошла к двери и опустила рукоять, открывая герметичную дверь. Та распахнулась. В кабину хлынули солнечные лучи.

– Священный Ветер, – проговорила она. – Я читала об этой планете. Если на Пути собрались исповедующие таоизм, то эта колония была основана синтоистами[3 - Таоизм (или даосизм) – философская, этическая и религиозная традиция в Китае. Синтоизм – традиционная религия Японии, основанная на анимистических верованиях древних японцев (объектами поклонения являются многочисленные божества и духи умерших)]. Сливки древней японской культуры. Хотя, мне кажется, сейчас планета не так чиста, как прежде.

– По правде говоря, Эндрю, Джейн и я – если, конечно, меня можно считать отдельным от Эндера человеком – посчитали, что именно на этой планете сосредоточилась власть управляющего мирами Конгресса. Именно здесь живут те, кто выносит решения. Кукловоды, управляющие королем-марионеткой.

– И вы замыслили свергнуть их, захватив власть над человеческой расой в свои руки?

– Мы решили попробовать остановить надвигающийся на Лузитанию флот. Захват власти стоит следующим пунктом в повестке дня. Флот требует неотложных мер. У нас осталось всего несколько недель до того момента, как корабли появятся перед Лузитанией и применят Маленького Доктора, чтобы разнести ее на составные элементы. Эндер же и все остальные убеждены, что у меня ничего не выйдет, и поэтому строят маленькие жестяные кораблики наподобие этого, чтобы транспортировать как можно большее количество обитателей Лузитании – людей, свинсков и жукеров – в другие пригодные для жизни, но еще не освоенные человеком миры. Моя дражайшая сестренка Валентина – та, что помоложе, – носится вместе с Миром, который стал настоящим красавчиком, разыскивая новые планеты. Вот такой вот проект сейчас осуществляется. И все они уверены в моем – нашем – провале. Ну что, разочаруем их, а?

– Что значит «разочаруем»?

– Добьемся своего. Одержим победу. Выявим ту центральную силу, что управляет человечеством, и убедим ее остановить флот, прежде чем целая планета будет бессмысленно уничтожена.

Ванму с сомнением посмотрела на Питера. Убедить этих людей остановить флот? И этого намерен добиться жестокосердный мальчишка-грубиян? Да разве он способен хоть кого-нибудь убедить? Хотя в чем-нибудь?

Словно прочитав ее мысли, он ответил на терзающие ее сомнения:

– Вот поэтому-то я и прихватил тебя. Изобретая меня, Эндер совсем забыл, что в то время, когда я убеждал людей, спланировал их в союзы и призывал ко всякой чуши, он уже не знал меня. Поэтому Питер Виггин, которого он сотворил, получился слишком грубым, слишком честолюбивым. Такой Питер Виггин не убедит даже больного чесоткой прямой кишки почесать собственный зад.

Она снова отвернулась от него.

– Вот видишь? – указал он. – Я снова и снова оскорбляю тебя. Взгляни на меня. Видишь мою дилемму? Настоящий Питер без труда справился бы с той работенкой, которая свалилась на меня. Даже от стола бы не оторвался. У него уже созрел бы действенный план. Он мог завоевать доверие людей, улестить их, внедриться в их советы. Вот на что был способен Питер Виггин! Даже пчелы не могли устоять перед его очарованием – они собственными лапками вырывали свои жала и отдавали ему! Но способен ли на это я? Сомневаюсь. Поскольку я – это не я.

Он поднялся из кресла, бесцеремонно протиснулся мимо нее и ступил на луг, посреди которого стояла небольшая металлическая коробка, переместившая их с планеты на планету. Ванму замерла на пороге, глядя, как он бродит вокруг судна.

«Я понимаю, что он чувствует, – думала она. – Мне известно, что такое подчинять свою волю другому человеку. Что значит жить, будто этот человек есть центр твоей жизни, а ты всего лишь подыгрываешь ему. Я была рабыней. Но, по крайней мере, все это время я чувствовала собственное сердце. Я знала, о чем думаю, пока исполняла чужие приказы, пока добивалась от других того, чего сама желала. Но Питер Виггин понятия не имеет, чего он хочет на самом

деле, поскольку даже отрицание собственной свободы исходит не от него самого. Ему это досталось по наследству от Эндрю Виггина. Даже его привычка обливать себя грязью принадлежит на самом деле Эндрю Виггину, и...»

Снова и снова все возвращалось к своему началу, накручивая круги, как бродящий по лугу Питер.

Ванму вспомнила свою хозяйку – бывшую хозяйку – Цин-чжао. Та тоже следовала странным побуждениям. Следовала приказам, которые отдавали ей боги. Так все думали раньше. На самом деле ею управлял маниакально-побудительный синдром. Она должна была опускаться на колени и прослеживать жилку в половицах, прослеживать, не отрывая глаз, пока та не заканчивалась, после чего браться за новую. Это ничего не значило, однако ей приходилось подчиняться приказам, потому что только бессмысленным, тупым повиновением она могла добиться глотка свободы от импульсов, контролирующих ее тело и ум.

«На самом деле рабыней была Цин-чжао, а не я. Ибо хозяин, управляющий ее телом, поселился прямо у нее в голове. Тогда как мой господин всегда находился рядом со мной и до моей души ему было не дотянуться.

Питер Виггин знает, что им правят бессознательные страхи и страсти человека, находящегося за многие сотни световых лет отсюда. Но Цин-чжао искренне верила, что ею управляют боги. Бессмысленно твердить себе, что твой хозяин снаружи, если его приказы ты переживаешь сердцем. Куда ты от них сбежишь? Где скроешься? Цин-чжао, наверное, уже освободилась. Новый вирус, который привез Питер и вручил прямо в руки Хань Фэй-цзы, разбил ее оковы. Но Питер... каким образом ему достичь желанной свободы?

И все-таки он должен жить так, как будто на самом деле свободен. Он должен отстаивать собственную свободу, пусть даже эта борьба есть еще один симптом его рабства. В нем живет частичка, которая отчаянно жаждет быть собой. Обрести собственное „я“.

Так какова же моя роль? Должна ли я сотворить чудо и подарить ему айю? Это не в моей власти.

И все же некоторой властью я обладаю».

Она просто обязана обладать силой, иначе с чего бы он говорил с ней так открыто? Они абсолютно незнакомы, и тем не менее он сразу открыл ей свое сердце? Почему? Зачем? Не только потому, что она должна была быть посвящена во все тайны. Наверное, почему-то еще.

Ну да, конечно. Он говорил с ней так открыто, потому что она никогда не встречалась с Эндрю Виггином. Может, Питер действительно всего лишь частичка природы Эндера, он – то, чего Эндер боится и что презирает. Но она не могла сравнивать их друг с другом. Каким бы Питер ни был, кто бы его ни контролировал, она была его личной наперсницей.

А стало быть, она снова стала чьей-то служанкой. Она однажды уже была наперсницей Цин-чжао.

Си Ванму содрогнулась, словно отбрасывая в сторону это неприятное сравнение. «Нет, – упрямо заявила она себе. – Это не одно и то же. Потому что этот бесцельно бродящий среди луговых цветов юноша не обладает властью надо мной. Он может лишь поведать мне о своей боли и надеяться на мое понимание. И то, что я дам ему, я буду дарить от всего сердца, сама».

Она закрыла глаза и прислонилась к двери. «Да, – подумала она, – отныне я буду дарить сама. Но что я собираюсь дать ему? Именно то, чего он добивается, – мою преданность, мое почитание, мою помощь? Я растворюсь в нем. Но почему я иду навстречу его желаниям? Потому что, как бы он в себе ни сомневался, он все-таки обладает способностью привлекать людей на свою сторону».

Она снова открыла глаза и направилась через высокую, достающую до пояса траву к нему. Увидев ее, он остановился и стал ждать. Вокруг жужжали пчелы; над цветами пьяно порхали бабочки, в самый последний момент резко сворачивая в сторону, чтобы не врезаться в человека. Неожиданно взмахнув рукой, Ванму поймала пчелу в сложенную чашечкой руку, а затем быстро, прежде чем насекомое успело ужалить ее, кинула пчелу прямо в лицо Питеру.

Тот, совершенно ошеломленный и растерянный, принялся отбиваться от разъяренной пчелы, уклоняясь и отступая. В конце концов ему даже пришлось отбежать на несколько шагов. Наконец пчела оставила его в покое и, сердито жужжа, снова вернулась к своим цветам. Кипя от злости, Питер повернулся к Ванму:

- Это еще что за шуточки?!

Она захихикала. Не смогла сдержаться, настолько смешно он выглядел.

- Замечательно, смейся, смейся. Вижу, я подобрал себе замечательную компаньонку.

- Сердись сколько пожелаешь, - ответила Ванму. - Но я вот что тебе скажу. Неужели ты думаешь, что где-то там, на Лузитании, айю Эндера внезапно подумала: «Ой, пчела!» - и заставила тебя махать руками и прыгать, как клоуна?

Питер закатил глаза:

- Ага, очень умно. Что ж, мисс Владычица Запада, ты определенно решила все мои проблемы! Теперь я вижу, что всегда был настоящим мальчишкой! А эти желтые башмачки с самого начала могли перенести меня обратно в Канзас![4 - Отсылка к книге Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник страны Оз» (1900).]

- В какой такой Канзас? - спросила она, посмотрев на его ботинки, которые были отнюдь не желтого цвета.

- Так, еще одно воспоминание Эндера, которым он со мной милостиво поделился, - проворчал Питер Виггин.

Сунув руки в карманы, он внимательно оглядел ее.

Она, не произнося ни слова, сцепила руки перед собой и наградила его таким же изучающим взглядом.

- Ну, так ты со мной или нет? - поинтересовался он в конце концов.

- Ты должен постараться не грубить мне, - ответила она.

- Этот вопрос урегулируй с Эндером.

– Мне плевать, чья айю управляет тобой, – заявила она. – У тебя есть собственные мысли, которые несколько отличаются от мыслей Эндера, – ты испугался пчелы, а он в этот момент даже не думал о ней, и ты это знаешь. Так что, какая бы часть тебя ни отвечала за твоё поведение и каково бы ни было на самом деле твоё настоящее «я», на передней стороне головы у тебя имеется рот, посредством которого ты будешь общаться со мной. Если хочешь, чтобы я помогала тебе, постарайся вести себя повежливее.

– И пчел больше не будет? – уточнил он.

– Не будет, – кивнула она.

– Тогда договорились. К счастью, Эндер подарил мне тело, которому наверняка будет больно, если пчела его ужалит.

– Пчеле тоже придется несладко, – заметила Ванму.

Он ухмыльнулся.

– Знаешь, а ты мне нравишься, – проговорил он. – И это меня бесит.

Решительным шагом он направился к кораблю.

– Пошли! – крикнул он ей. – Посмотрим, что за информацию сможет выдать нам Джейн. Как-никак этот мир мы должны подчинить одним ударом.

2

«Ты не веришь в Бога»

Когда я следую вьющейся в половице тропе богов,

Мои глаза видят каждый изгиб жилки,

Но тело мое движется прямо к щели,

Поэтому те, кто смотрит на меня, считают, будто путь богов прям, как стрела,
Тогда как я живу в мире, где нет прямых дорог.

Хань Цин-чжао. Шепот богов

Новинья отказалась выходить к нему. Добрая старая настоятельница выглядела искренне расстроенной, сообщая Эндеру это известие.

– Она вовсе не сердится, – объяснила настоятельница. – Она просто сказала, что...

Эндер кивнул, понимая, что женщина сейчас разрывается между состраданием и честностью.

– Не бойтесь, говорите все напрямую, – сказал он. – Она моя жена, я уж как-нибудь вытерплю.

Настоятельница прикрыла глаза:

– Насколько вам известно, я тоже замужем...

Конечно, ему об этом известно. Все члены ордена Детей Разума Христова – Ос Фильос да Менте де Крису – имели либо супругу, либо супруга. Таково было правило.

– Я замужем и немного разбираюсь, что можно говорить, а что нельзя. Вашей супруге известны такие слова, которых вы снести не сможете.

– Прошу прощения, тогда я выскажусь по-другому, – покорно согласился Эндер. – Она моя жена, и я твердо намерен выслушать ее слова. Не имеет значения, переживу я их или нет...

– Она говорит, что ей нужно закончить прополку, а на всякие глупые беседы у нее нет времени.

Да, Новинья вполне могла сказать такое. Она, наверное, твердит себе, что сейчас примеряет на себя одежды Иисуса, но ведь именно Христос поносил фарисеев, именно Христос жестоко высмеивал и издевался над своими врагами и друзьями. Не всегда он был мягким человеком, обладающим бесконечным терпением...

Но Эндер за свою жизнь выслушал немало колких слов.

– Тогда чего мы ждем? – пожал плечами он. – Покажите, где у вас лежат мотыги.

Несколько секунд старушка-настоятельница изумленно взирала на него, но потом улыбнулась и провела Эндера в сад. Вскоре, в рабочих рукавицах и с мотыгой под мышкой, он уже стоял в конце грядки, на которой работала его жена. Новинья, согнувшись под палящим солнцем, не отрывала глаз от земли; цепляя мотыгой корни сорняков, она вытаскивала их из земли и бросала рядом, под лучи жаркого, иссушающего солнца. Она направлялась к нему.

Эндер перешел на непрополотую грядку рядом с той, на которой работала Новинья, и, выдергивая сорняки, начал двигаться ей навстречу. Они, конечно, не встретятся, но пройдут рядом друг с другом. Либо она заметит его, либо нет. Либо заговорит с ним, либо нет. Она еще любила его, нуждалась в нем, как прежде. Либо не любила и не нуждалась. Как бы то ни было, до конца дня он будет пропалывать то же самое поле, что и его жена, и работать ей будет легче, потому что он будет рядом. Значит, он по-прежнему будет ее мужем, хотя она, по ее уверениям, в нем теперь не нуждается.

В первый раз, когда они прошли мимо друг друга, она даже не взглянула на него. Но это было и не нужно. Даже не поднимая головы, она знала, что присоединиться к ней мог только ее муж – после того как она отказалась с ним встретиться. Он знал, что ей это известно, и также знал, что она слишком горда, чтобы взглянуть на него, показывая, что тоже соскучилась. Она будет смотреть на сорняки, пока не ослепнет. Новинья всегда слыла несгибаемой женщиной, она ни перед кем не склонит голову.

Кроме, разумеется, Иисуса Христа. Именно таков был смысл послания, которое она передала Эндеру, послания, которое привело его сюда, заставило его искать с ней встречи. То была небольшая записка, написанная на языке церкви. Она покидала его, чтобы вместе с остальными фильос служить Христу. Она

почувствовала призвание к этому труду. Он освобождался от дальнейших обязанностей перед ней и не должен был ожидать от нее иных знаков внимания, кроме тех, которые она с радостью готова дарить любому божьему созданию. Несмотря на всю вежливость, послание просто дышало холодом.

Но Эндер тоже не любил отступать. Вместо того чтобы повиноваться посланию, он пришел прямо сюда, вознамерившись поступить наперекор всем ее просьбам. А почему нет? Решения Новиньи всегда оборачивались бедой. Каждый раз, когда она решала сделать что-нибудь на благо своего ближнего, она неумышленно разрушала судьбы окружающих ее людей. Так случилось с Либо, ее другом детства и тайным любовником, отцом всех ее детей, в то время как замужем она была за жестоким и бесплодным человеком, который до самой смерти остался ей верным мужем. Опасаясь, что Либо, как и его отец, погибнет от руки какого-нибудь пеквениньо, Новинья утаила свои чрезвычайно важные открытия, касающиеся биологии планеты Лузитания. Ей казалось, что это знание убьет ее любимого. И его гибель случилась именно потому, что он не владел этой самой информацией. Она тайно заботилась о нем – и это его погубило.

«Можно подумать, этот урок ее чему-нибудь научил, – думал Эндер. – Нет, она продолжает поступать по-своему. Она, ни с кем не посоветовавшись, продолжает выносить решения, которые калечат жизни других людей. Ей даже в голову не приходит, что, может быть, эти самые люди вовсе не хотят, чтобы она спасала их от той предполагаемой беды, которая ей мерещится».

Но если бы она вышла замуж за Либо и рассказала ему о том, что ей известно, он, возможно, был бы жив по сей день. Эндер не женился бы на его вдове и не помог бы ей воспитать ее детей. У Эндера никогда не было другой семьи, да он и не хотел никакой другой. Как бы ни были пагубны решения Новиньи, самые счастливые дни в его жизни случились только потому, что она совершила одну из своих самых роковых ошибок.

Пройдя мимо нее во второй раз, Эндер заметил, что она упорно отказывается начинать с ним разговор, поэтому, как всегда, он отступил первым и нарушил затянувшееся молчание:

– Насколько ты знаешь, фильос все женаты или замужем. В этом ордене приняты браки. Без меня ты не станешь его полноправным членом.

Она остановилась. Лезвие мотыги легло на нетронутую часть грядки, рукоятка ярко блеснула меж ее рукавиц.

- Грядки я смогу полоть и без тебя, - в конце концов буркнула она.

Его сердце радостно защемило - ему все-таки удалось пробиться сквозь завесу ее молчания.

- Не сможешь, - ответил он. - Потому что я уже здесь.

- Это обыкновенный картофель, - сказала она. - Я не могу воспрепятствовать тебе пропалывать картошку.

Не в силах с собой ничего поделаться, они дружно рассмеялись, и с тихим стоном Новинья наконец разогнула спину, выпрямилась и, бросив мотыгу на землю, взяла Эндера за руки. Это касание ударило его словно электрическим током, хотя их пальцы отделяли друг от друга толстые рабочие рукавицы.

- «Когда моей рукою недостойной я мог твою святыню оскорбить...» - начал Эндер.

- Давай без Шекспира, - перебила она. - Без этих вот: «позволь губам моим, двум пилигримам...»[5 - Шекспир У. Ромео и Джульетта (пер. Д. Михайловского).]

- Я скучаю по тебе, - произнес он.

- А ты перебори свою скуку, - посоветовала она.

- Зачем? Если ты присоединишься к фильос, к ним присоединюсь и я.

Она рассмеялась.

Эндеру не понравились презрительные нотки в ее смехе.

- Если ксенобиолог может покинуть мир бессмысленных страданий, почему этого не может сделать постаревший, давно ушедший на пенсию Говорящий от

Имени Мертвых?

– Эндрю, – мягко сказала она, – я здесь не потому, что решила отказаться от мирской суеты. Я пришла сюда, потому что сердце мое обратилось к Спасителю. Ты же никогда не сможешь уверовать. Ты не можешь сродниться с этим местом.

– Я сроднюсь с тем, с чем сроднишься ты. Напомню тебе, если ты забыла, – мы дали обет. Святой обет, нарушить который нам не позволит Святая Церковь.

Она вздохнула и взглянула на небо, распростершееся над стенами монастыря. За этими стенами, за лугами, за изгородью, за холмом, в лесах... лежала самая большая любовь ее жизни. Там лежал Либо. Туда же ушел Пипо, его отец, который и ей заменил отца, он ушел туда и тоже погиб. В другом лесу погиб ее сын Эстеву. И Эндер видел по ее глазам, что, глядя на мир за этими стенами, она видит только смерть. Двое самых дорогих ей людей упокоились в земле еще до того, как Эндер прибыл на Лузитанию. Но смерть Эстеву... Новинья умоляла Эндера остановить его, не пускать Эстеву в лес, где зрела ересь, где пеквениньос задумывались о войне, о том, что людей надо обречь на смерть. Она не хуже Эндера понимала, что остановить Эстеву – было все равно что уничтожить его, ибо священником он стал не затем, чтобы отсиживаться в тихой, безопасной церквушке, а чтобы нести слово Христово древесному народу. Умирая в объятиях дерева-убийцы, Эстеву наверняка испытывал ту же самую радость, что и христианские мученики древних времен. В час самопожертвования Господь Бог приносил им успокоение. Но Новинья не понимала смысла такой радости. Очевидно, Господь не имеет привычки распространять свою благодать на ближайших родственников и друзей мученика. И свою скорбь, свой гнев она излила на Эндера. Зачем она выходила за него замуж, если не может чувствовать себя за ним как за каменной стеной?

Он не стал объяснять ей самое очевидное – если кого и следовало винить, так только Бога, а Эндер здесь ни при чем. Ведь, по сути дела, это Бог сделал святыми – по крайней мере, почти святыми – родителей Новиньи, которые перед самой своей смертью все-таки открыли сыворотку, сумевшую противостоять десколаде. Новинья тогда была совсем еще ребенком... Тот же самый Бог повел Эстеву проповедовать самым опасным смутьянам среди пеквениньос. Однако в своей печали Новинья обратилась именно к Богу, а от Эндера, который желал ей лишь добра, отвернулась.

Он никогда не говорил ей об этом, потому что знал: она не станет слушать его. Он удержался от подобных высказываний потому, что она видела вещи в несколько ином свете. Бог, забравший у нее отца и мать, Пипо, Либо и Эстеву, был справедлив, он таким образом наказывал ее за грехи. Но Эндер отказался отговаривать Эстеву от самоубийственной миссии к пеквениньос только потому, что был слеп, упрям и самоуверен. И еще потому, что он недостаточно любил ее.

Но он любил ее. Любил всем сердцем.

Всем ли?

Всем, которое знал. Однако, когда во время путешествия во Вне-мир самые далекие уголки души приоткрыли кое-какие свои тайны, оказалось, что вовсе не образ Новиньи хранит в своем сердце Эндер. Другие люди значили для него куда больше.

Но что он может поделать со своим подсознанием? Он может отвечать только за свои поступки, и сейчас он показывал Новинье, что, как бы она ни гнала его, он не уйдет. Как бы она ни убеждала себя в том, что он любит только Джейн и интересуется исключительно деяниями во славу человечества, это было неправдой. Новинья значила для него намного больше. Ради нее он пожертвует всем. Ради нее он навсегда скроется за монастырскими стенами. Будет пропалывать всевозможные грядки под раскаленным солнцем. Ради нее.

Но и этого ей недостаточно. Она настаивает, чтобы он отказался от мира не из любви к ней, а из любви к Христу. Только он-то женился не на Христе, да и она выходила замуж не за Иисуса. Но Господь лишь порадует, увидев, что муж и жена жертвуют друг ради друга всем. Наверняка Бог ожидает от человека именно таких жертв.

– Знаешь, я не виню тебя в смерти Квима, – сказала она, назвав Эстеву детским именем.

– Нет, этого я не знал, – удивился он, – но рад, что ты мне об этом сообщила.

– Сначала я считала, что в его смерти виноват прежде всего ты, но даже тогда я понимала, что поступаю несправедливо по отношению к тебе, – продолжала она. – Он сам избрал свой путь. Он был взрослым, самостоятельным человеком и

не позволил бы кому бы то ни было, даже родителям, решать за него. Если уж я не смогла остановить его, что мог сделать ты?

– Я даже не пытался его останавливать, – признался Эндер. – Наоборот, я хотел, чтобы он поехал. Он осуществлял свою самую заветную мечту.

– Это я тоже понимаю. Все правильно. Он правильно поступил, что поехал. И его смерть – это тоже правильный выбор, потому что своей смертью он многого добился.

– Он спас Лузитанию от катастрофы.

– И обратил многих пеквениньос в Христову веру.

Она рассмеялась, как смеялась раньше, – заразительным, искренним смехом. Этот смех Эндер ценил больше всего на свете, потому что звучал он так редко.

– Деревья уверовали в Иисуса, – покачала головой она. – Кто бы мог подумать?

– Пеквениньос уже прозвали его святым Стефаном, Покровителем Деревьев.

– Ну, это они поспешили. Для этого требуется некоторое время. Сначала его нужно канонизировать. На его гробнице должна свершиться пара-другая чудес. Можешь мне поверить, уж мне-то эта процедура известна.

– Мучеников в наши дни не так много, – возразил Эндер. – Его обязательно канонизируют. Люди будут молиться, чтобы он заступился за них перед Иисусом, и молитвы их исполнятся, потому что если кто и заслужил право быть выслушанным Иисусом, так это твой сын Эстеву.

По щекам ее покатались слезы.

– Мои родители были мучениками, и скоро их причислят к лику святых, – грустно улыбнулась она. – Мой сын стал святым. Набожность передается через поколение.

– Да уж. Твое поколение прославилось эгоистичным гедонизмом.

Она повернулась к нему, по пыльным щекам, оставляя грязные дорожки, текли слезы, ее блестящие глаза глядели прямо в его сердце. Эту женщину он безумно любил.

– Я не раскаиваюсь в том, что изменяла мужу, – произнесла она. – Разве может Христос простить меня, если я ничуть не сожалею об этом? Но если бы я не спала с Либо, мои дети никогда бы не появились на свет. Против такого исхода Господь вряд ли бы стал возражать...

– По-моему, сам Иисус сказал: «Я, Господь, буду прощать, кого прощу. Но вы должны простить всех людей».

– Нечто вроде того, – кивнула она. – Я не особый знаток Писания. – Протянув руку, она коснулась его щеки. – Ты так силен, Эндер. Но выглядишь усталым. Как можешь ты уставать? Вселенная по-прежнему зависит от тебя. Может, не все человечество, но этот мир – точно. Ты должен спасти его. Но ты устал.

– Усталость источила меня, – признался он. – А ты забрала с собой последнюю каплю крови.

– Странно, – промолвила она. – Мне казалось, что я вырезала у тебя раковую опухоль.

– Новинья, ты так и не научилась понимать, чего именно хотят от тебя люди. Ты не знаешь, чего желают твои близкие. Порой боль мы принимаем с не меньшей радостью, чем помощь.

– Поэтому-то, Эндер, я и пришла сюда. Я отказалась от решений. Я доверяла собственным суждениям. Я доверялась тебе. Я верила Либо, Пипо, отцу и матери, Квиму, но мое доверие не оправдывалось – они уходили... Нет, я знаю, ты никуда не ушел, и понимаю, что ты ни в чем не виноват. Нет, Эндрю, выслушай меня, выслушай. Проблема заключалась совсем не в тех людях, которым я верила, проблема заключалась в том, что я верила им, тогда как ни один человек не мог принести мне то, в чем я нуждалась. Понимаешь, я искала освобождения. Я нуждалась – и нуждаюсь до сих пор – в искуплении. Но ты не в силах мне его дать – ты дал мне больше, чем от тебя требовалось, Эндрю, но у тебя нет того, в чем я больше всего нуждаюсь. Только Избавитель, только Сын

Божий способен подарить мне освобождение. Ты понимаешь меня? И искупить свою вину я могу только в том случае, если посвящу оставшуюся жизнь Ему. Поэтому я здесь.

- Пропалываешь грядки.

- Отделяю зерна от плевел, - улыбнулась она. - Пропалывая грядки, я помогаю людям - они получают много хорошей картошки. И мне не нужно постоянно быть на виду, постоянно привлекать к себе внимание, чтобы ощущать полноту жизни. Однако ты, придя сюда, напомнил мне, что, даже обретя счастье, я причиню кому-то нестерпимую боль.

- Это не так, - возразил Эндер. - Потому что я иду с тобой. Я вместе с тобой присоединюсь к ордену. В него допускаются только супружеские пары, а мы с тобой женаты. Без меня ты в него не вступишь, а тебе это нужно. Зато вместе со мной тебя примут. Что может быть проще?

- Проще? - удивилась она. - Ну, во-первых, ты не веришь в Бога.

- Почему ты так решила? - раздраженно спросил Эндер.

- Ты допускаешь существование Бога, а это не совсем то, что имею в виду я. Ты не веруешь в него так, как верует в своего сына мать. Она не ставит под сомнение его существование - почему она должна в этом сомневаться? - она имеет в виду свою веру в его будущее, она верует, что он будет следовать той доброте, которая заложена в нем. Она доверяет ему будущее - вот насколько глубока ее вера. Но твоя вера в Христа вовсе не так глубока. Ты по-прежнему веришь в себя, Эндрю. Веришь в людей. Ты разослал во все концы Вселенной свои маленькие копии, тех детей, которых создал, посетив Преисподнюю. Ты сейчас стоишь рядом со мной, в этих стенах, но сердце твое мечется между планетами, пытаюсь остановить флот. Ты ничего не оставляешь Господу. Ты не веришь в него.

- Прости, но если Бог намерен делать все сам, зачем ему было создавать нас?

- Ну да, насколько я помню, один из твоих родителей был еретиком. Вот где берут начало твои самые странные предположения.

Она частенько в шутку вспоминала об этом, прохаживаясь на тему его детства, но на этот раз ни он, ни она не засмеялись.

- Я верую в тебя, - сказал Эндер.

- Но советуешься с Джейн.

Он сунул руку в карман, достал из него что-то и, протянув ей, разжал кулак. Это была сережка с драгоценным камнем, из которого торчало несколько крошечных проводков. Она походила на мерцающую жемчужину, вырванную из морской раковины, где покоилась веками. Сначала Новинья не узнала ее, но наконец догадалась и, подняв глаза, посмотрела на ухо Эндера. Сколько она его знала, Эндер все время носил в ухе эту сережку, посредством которой он общался с Джейн, ожившей компьютерной программой, самым старым, самым дорогим, самым верным спутником и товарищем.

- Эндрю, неужели ты пошел на это ради меня?

- Честно говоря, я не был уверен, что эти стены удержат меня, пока на ухо будет постоянно нашептывать голосок Джейн, - признался он. - Я все с ней обсудил. Все объяснил. Она понимает. Мы остались друзьями. Но не компаньонами.

- Ох, Эндрю... - Теперь Новинья разрыдалась по-настоящему. Обняв Эндера, она прижалась к его груди. - Если бы ты сделал это пару лет назад, даже пару месяцев назад...

- Может, я и не верую в Иисуса так, как веруешь в него ты, - сказал Эндер, - но, может, я буду верить в тебя, а ты будешь верить в него?

- Ты не выживешь здесь.

- Рядом с тобой я выживу где угодно. Я не столько устал от мира, сколько от решений. Я устал решать. Устал от попыток найти решение.

- Но именно этим мы здесь и занимаемся, - произнесла она, немножко отстраняясь от него.

– Здесь мы можем быть не разумом, но детьми этого разума. Мы можем быть руками и ногами, губами и языком. Мы можем исполнять, но не решать.

Тихонько охнув, он встал на колени и сел прямо на землю, устроившись среди невысоких побегов картофеля. Грязной рукой он вытер лоб, хотя знал, что это не поможет, лишь превратит пыль в грязь.

– Ты так все красиво изложил, Эндрю, что я почти поверила тебе, – сказала Новинья. – Неужели ты решил отказаться от роли героя в собственной саге? Или это очередная хитрая уловка? Ты теперь решил уйти в монастырь и стать самым великим среди нас?

– Знаешь ли, я никогда не жаждал величия и славы. Которых, кстати, никогда у меня не было.

– Эндрю, ты такой прекрасный рассказчик, что сам веришь в собственные сказки.

Эндер поднял голову:

– Прошу тебя, Новинья, позволь мне жить рядом с тобой. Ты моя жена. Моя жизнь лишится смысла, если я потеряю тебя.

– Мы можем жить здесь как муж и жена, но мы не сможем... ну, ты знаешь...

– Мне известно, что «фильос», вступая в орден, отказываются от интимных связей, – кивнул Эндер. – Но я твой муж. И поскольку я все равно ни с кем не занимаюсь сексом, в число этих «ни с кем» я могу включить и тебя.

Он криво улыбнулся.

Она ответила ему печальной, сочувствующей улыбкой.

– Новинья, – снова заговорил он, – меня больше не интересует жизнь. Во всем мире для меня осталась одна только жизнь – твоя. И если я потеряю тебя, мне больше не за что будет держаться.

Он сам не до конца понял смысл сказанного. Эти слова сами сорвались с его губ. Он знал лишь одно: им управляла не жалость к себе, он сказал чистую правду. Не то чтобы ему в голову лезли мысли о самоубийстве, отшельничестве и прочих глупостях. Скорее, он как будто затухал. Терял силы. Лузитания казалась ему все менее и менее реальной. Рядом с ним по-прежнему находилась Валентина, его сестра и верный друг. Она напоминала ему скалу, ее жизнь была реальной, но он не видел этого, потому что Валентина в нем не нуждалась. Пликт, его незваная-непрощенная ученица, может, и нуждалась в Эндере, но не в живом, реальном человеке, а в его образе. Так, кто там еще? Дети Новиньи и Либо, которых он воспитал как своих собственных, которых любил как родных детей... Они уже повзрослели, а поэтому тоже перестали нуждаться в Эндере. Джейн, которая однажды чуть не самоуничтожилась, когда он на какой-то час лишил ее своего внимания, тоже больше не искала его общества, потому что у нее был Мир, а теперь еще появился Питер...

Питер. Юная Валентина. Откуда они взялись? Они украли его душу и забрали с собой. Они совершали поступки, которые когда-то совершал он сам. А Эндер тем временем ждал на Лузитании и... тихонько угасал. Вот что он имел в виду. Если он потеряет Новинью, что удержит его в теле, в котором он несколько тысячелетий путешествовал по Вселенной?

– Здесь я не могу решать, – покачала головой Новинья.

– Можешь, – сказал Эндер. – Ты сама должна решить, нужен ли я тебе как один из Ос Фильос да Менте де Кристу. Если это так, то с остальными препятствиями, думаю, я справлюсь.

Она язвительно рассмеялась:

– Препятствия? Такие люди, как ты, не знают слова «препятствия». Всевозможные преграды для них лишь ступени, по которым они поднимаются вверх.

– Такие люди, как я?

– Да, такие люди, как ты, – подтвердила Новинья. – Хотя подобных тебе я никогда не встречала. Как бы я ни любила Либо, он ни разу в жизни не был настолько живым, как ты обычно. Впервые я поняла, что люблю, когда полюбила

тебя. Я скучала по тебе больше, чем по своим детям, больше, чем по родителям. Больше, чем по всем тем людям, которых я когда-либо любила и потеряла. Но то, что думаю я только о тебе одном, вовсе не означает, что людей, подобных тебе, не существует. Вселенная велика. Ты ж не можешь быть единственным в своем роде, а?

Он раздвинул картофельную ботву и мягко положил ей руку на бедро.

- Значит, ты по-прежнему любишь меня? - спросил он.

- Ты за этим пришел? Чтобы выяснить, люблю ли я тебя?

- Отчасти, - кивнул он.

- Люблю, - сказала она.

- Значит, я могу остаться?

Она разрыдалась. Громко и безутешно. Опустившись на землю, она закрыла лицо ладонями; совершенно забыв про хрупкие, ломкие стебли растений, он подошел к ней, чтобы обнять ее, прижать к себе. Выплакавшись, она повернулась и, обвив его шею руками, прижалась к нему крепко-крепко, так же, как он - к ней.

- О, Эндрю, - прошептала она охрипшим и севшим от рыданий голосом, - неужели Господь Бог настолько любит меня, что возвращает тебя в мои объятия? Именно сейчас, когда я так в тебе нуждаюсь...

- Я буду с тобой, пока смерть не разлучит нас, - пообещал Эндер.

- Смерть я уже видела, - сказала она. - И поэтому молюсь, чтобы на этот раз Господь забрал меня первой.

«Нас слишком много»

Позвольте я расскажу вам самую прекрасную историю из тех, что мне известны.

У одного человека была собака, которую он очень любил. Тот пес сопровождал его повсюду, но человек никак не мог научить его делать что-нибудь полезное. Пес не приносил палку, не умел идти по следу, он не бегал наперегонки, не защищал своего хозяина, не сторожил дом. Вместо этого пес все время сидел у ног человека и смотрел на него с одним и тем же загадочным выражением на морде.

«Это не пес, это волк какой-то», – сказала жена человека.

«Он один предан мне», – ответил человек, и жена его больше не поднимала этот вопрос.

Однажды человек взял своего пса полетать на аэроплане, но стоило им подняться над высокими заснеженными горами, как двигатель заглох.

И аэроплан, упав среди деревьев, разбился.

Человек лежал на земле и истекал кровью, живот его распороли острые лоскутья металла. От его внутренностей в холодный воздух поднимался пар, но все его мысли занимала судьба верного пса.

Уцелел ли он? Не разбился ли?

Представьте себе его облегчение, когда к нему подошел пес и взглянул на него своим прежним взглядом.

Прошел час. Пес понюхал вспоротый живот человека, после чего выгреб оттуда кишки, селезенку, печень и принялся пожирать их, не сводя глаз с лица человека.

«Слава богу, – вздохнул человек. – По крайней мере один из нас не умрет с голоду».

Из всех обгоняющих свет судов, которые под командованием Джейн то ныряли во Вне-мир, то возвращались в привычную Вселенную, только шаттл Миро выглядел как настоящий космический корабль. Да и то только потому, что когда-то этот шаттл переправлял пассажиров и груз с бортов огромных межзвездных транспортов, время от времени появлявшихся на орбите Лузитании. Однако новые корабли могли перемещаться непосредственно с одной планеты на другую, поэтому нужда во всевозможных системах жизнеобеспечения и горючем сразу отпала. А поскольку Джейн необходимо было удержать в памяти точный образ каждого суденышка, то чем проще они были, тем лучше. Хотя вряд ли их можно было называть судами в полном смысле этого слова. Эти «космические корабли» были обыкновенными кабинками без окон, без мебели, напоминающими аскетичные школьные комнаты. Поселенцы Лузитании называли их теперь «ensaixarse», что в переводе с португальского означало «залезть в коробку» или, если быть более буквальным, «окоробиться».

Миссией Миро было исследование и поиск новых планет, пригодных для жизни трех разумных рас – людей, пеквениньос и жукеро. Для этого ему требовалось настоящее космическое судно. Несмотря на то что Джейн мгновенно перемещала его от планеты к планете с краткой остановкой во Вне-мире, Миро не рассчитывал, что они сразу окажутся на планете с пригодной для дыхания атмосферой. При первом изучении планеты Джейн сначала выводила корабль на орбиту, чтобы Миро мог снять показатели с приборов и провести подробный анализ. Высаживались они только на тех мирах, где требовалось окончательное решение – использовать эту планету в дальнейшем или нет.

Путешествовал он не один. В одиночку здесь не справиться, нужно было, чтобы все его выводы проверялись еще раз. Задание, порученное Миро на Лузитании, было самым опасным, поскольку, открывая шлюз космического корабля, он никогда не знал, что его ждет за дверями, – может, там затаилась какая-нибудь непредвиденная опасность. Мысли о собственной незаменимости давным-давно оставили Миро. Проведя в искаленной оболочке несколько долгих лет, он много раз призывал смерть, поэтому теперь, после того как во время первого путешествия во Вне-мир ему вернулось прежнее, молодое тело, каждая секунда, каждый час, каждый день новой жизни казались ему незаслуженным даром. Он никогда не стал бы разменивать свое новое тело по пустякам, но не отказывался рисковать им ради других людей. Однако кто еще мог разделить подобное отношение к жизни и стать его спутником?

Юная Валентина была создана, во всех смыслах этого слова. Она появилась прямо на глазах у Миро – одновременно с его новым телом. У нее не было прошлого, не было родственников, ее ничего не связывало с этой вселенной, кроме разве что Эндера, чей разум создал ее и Питера, такое же искусственное создание, как и она. Впрочем, она еще как-то была связана с первой Валентиной, «настоящей Валентиной», как ее называла юная Вэл. Однако ни для кого не было секретом, что старая Валентина не горела особым желанием встречаться с этой юной красавицей, один факт существования которой был едкой насмешкой над ней. Кроме того, юная Вэл была создана Эндером как воплощение идеальных добродетелей. Она была абсолютно искренна в своем желании пожертвовать собой ради людей. Поэтому, куда бы Миро ни направлялся в своем шаттле, повсюду его сопровождала юная Вэл, его спутница, его надежная помощница, его постоянная поддержка.

Но не друг. Ибо Миро прекрасно понимал, что? есть Вэл на самом деле – замаскировавшийся Эндер. Она не женщина. Любовь и преданность передались ей по наследству от Эндера. Она испытанный товарищ, ей можно доверять, но эти качества принадлежат Эндеру, а не ей самой. В ней нет ничего своего. Поэтому, хоть Миро и привык к ее обществу, хоть он шутил с ней и смеялся, как не смеялся ни с кем другим, все же он не мог полностью положиться на нее, не мог позволить себе почувствовать к ней какую-то привязанность. Если она и заметила его отношение к ней, она ничего не сказала; если это ей и причиняло боль, то боль эту она ничем не выдала.

Она лишь радовалась новым успехам и настаивала на том, чтобы действовать побыстрее. «Совсем не обязательно тратить целый день на изучение одной планеты», – с самого начала заявила она и доказала свою правоту, составив расписание таким образом, что в день они совершали по три путешествия. Посетив три планеты, они отправлялись домой, на Лузитанию, которая уже мирно спала; ночь они проводили на корабле и выходили только в тех случаях, когда нужно было предупредить о проблемах, с которыми могут столкнуться колонисты в новооткрытых мирах. Три планеты в день означало только то, что в день они изучают по три пригодных к обитанию мира. Когда Джейн забрасывала их на планету, с первого взгляда на которую становилось ясно, что она им не подходит – встречались, к примеру, миры, полностью покрытые водой или лишенные всякой жизни, – Миро и Вэл без малейшего промедления двигались дальше, к следующей цели. И так далее, иногда, в дни, когда, казалось, все валится из рук, они посещали по пять-шесть таких «пустышек». Юная Вэл загоняла себя и Миро до смерти, день за днем, но Миро безропотно сносил ее явно завышенные требования, поскольку знал, что необходимо работать как

можно быстрее.

Его настоящий друг, вернее, подруга вообще была лишена человеческой формы. Она обитала в сережке, висящей у него в ухе. Джейн, шепот в его разуме, впервые раздавшийся, когда он вернулся к жизни после страшной травмы, друг, который слышал каждое слово, что он про себя произносил, и который узнавал о его нуждах прежде него самого. Джейн, которая делила с ним его мысли и мечты, которая сопровождала его повсюду, пока он был калекой, которая доставила его во Вне-мир, где он смог добыть себе новое тело. Джейн, его самая верная, самая преданная подруга, вскоре должна была погибнуть.

День ее смерти был крайним сроком. Как только погибнет Джейн, мгновенным перемещением из одной части Вселенной в другую наступит конец, поскольку ни одно другое существо силой своего разума не сможет переправить во Вне-мир и обратно даже резиновый мячик. А смерть Джейн неотвратимо приближалась. И естественные причины здесь ни при чем – о существовании разумной программы, контролирующей любой компьютер и обладающей к нему доступом, узнал Конгресс и сейчас постепенно отсоединялся от используемых ранее сетей. Она уже ощущала на себе последствия: некоторые системы вышли из сети, и она потеряла к ним доступ. Вскоре наступит день, когда отключенные разом компьютеры уничтожат ее. А когда ее не станет, все те, кто не успел сбежать с Лузитании на другие планеты, окажутся в ловушке. Им ничего не останется, кроме как сидеть и ждать прибытия флота, который все ближе и ближе подходил к Лузитании, чтобы стереть планету в пыль.

Мраченькая ситуация, ведь, что бы ни предпринял Миро, его лучший друг все равно умрет. Отчасти именно поэтому он не мог сойтись с юной Валентиной – ему казалось, что он предаст Джейн, если в последние недели или дни ее жизни сдружится с кем-нибудь еще.

Так что Миро с головой погрузился в работу, занимаясь исключительно расчетами, изучением данных, полученных приборами шаттла, и анализом фотографий из космоса. Он спускался на шаттле на неизученные континенты и в конце концов – что случалось реже, чем хотелось, – открывал шлюз, вдыхая полной грудью инопланетный воздух. У него даже не было времени для грусти или радости, даже не было времени отдохнуть; он закрывал шлюз, отдавал приказ, и Джейн возвращала их на Лузитанию, чтобы начать все сначала.

Однако, вернувшись домой на этот раз, они поняли, что что-то случилось. Открыв двери шаттла, Миро обнаружил, что встречает их не его приемный отец Эндер, не пеквениньюс, которые принесли бы ему и юной Вэл поесть, и не главы колонии, ожидающие краткого отчета, а его братья Ольяду и Грего, его сестра Эланора и сестра Эндера Валентина. Валентина по собственной воле пришла к шаттлу, где обязательно столкнется нос к носу со своей юной двойняшкой? Невероятно. Миро заметил, как поглядели друг на друга юная Вэл и старая Валентина. Сначала они старательно отводили глаза, а потом и вовсе отвернулись, чтобы не видеть друг друга. Впрочем, нет, первой отвернулась юная Вэл – она всячески избегала нанести оскорбление Валентине. Вэл скорее бы провалилась сквозь землю, лишь бы не причинить Валентине боль. А поскольку это было невозможно, она избрала самый лучший выход из положения – постаралась отойти в сторонку, чтобы не попадаться ей на глаза.

– Что за собрание? – удивился Миро. – Мама заболела, что ли?

– Нет-нет, все в добром здравии, – уверил его Ольяду.

– Разве что умом чуточку тронулись, – поправил Грего. – Мама и раньше вела себя как сумасшедший шляпник, так теперь еще и Эндер свихнулся.

Миро кивнул, нахмурился:

– Позвольте-ка я угадаю. Он вместе с ней вступил в орден.

Грего и Ольяду сразу взглянули на сережку в ухе Миро.

– Нет, Джейн мне ничего не говорила, – развеял их сомнения Миро. – Просто я знаю Эндера. Он очень серьезно относится к своему браку.

– В общем, как бы то ни было, в рядах наших лидеров образовалась лакуна, – продолжил Ольяду. – Не то чтобы все сразу бросили работать. Все усердно трудятся не покладая рук. Но мы привыкли надеяться на Эндера. Мы думали, что именно он подскажет нам, что делать, когда система встанет. Надеюсь, ты меня понял.

– Понял, – успокоил Миро. – Можешь выражаться прямо, не стесняясь Джейн. Она знает, что компьютеры отключат, как только Межзвездный Конгресс согласует свои планы.

– Все не так просто, – возразил Грего. – Большинству людей неизвестно об опасности, грозящей Джейн, – если уж на то пошло, то многие даже не знают о ее существовании. Но даже самые тупые могут сложить два и два и понять, что всех людей Лузитании до прибытия флота никак не вывезти. Не говоря уже о пеквениньос. Так что, если флот не остановить, кто-нибудь обязательно погибнет. Уже появились такие, которые кричат: хватит, мол, тратить драгоценное пространство космических кораблей на всякие деревянные чурки и насекомых.

Под «деревянными чурками» имелись в виду пеквениньос, которые на самом деле не переправляли на другие миры свои деревья, своих отцов и матерей, а под «насекомыми» подразумевалась Королева Уля, которая также не разменивалась на обыкновенных рабочих. На каждую планету отправлялась большая группа пеквениньос и по крайней мере одна Королева Уля с горсткой рабочих, которые помогут ей обжиться на месте. Все забывали о том, что Королевам Ульев придется быстро производить рабочих, на плечи которых ляжет основной труд по развитию колонии; все забывали о том, что деревья остаются здесь, а значит, по крайней мере один самец и одна самка в каждой колонии пеквениньос должны «быть посажены» – должны умереть медленной и мучительной смертью, чтобы дерево-отец и дерево-мать прижились, пустили корни и продолжили жизненный цикл пеквениньос. Зато все знали – в особенности Грего, который недавно сам учинил крупную заваруху, – что под внешне гладкой поверхностью противостоят друг другу интересы рас.

Но не только люди высказывали вслух свое неодобрение. Хотя на Лузитании пеквениньос своим числом намного превышали количество людей, среди поселенцев новых колоний пока что преобладали люди.

– Именно ваш флот собирается уничтожить Лузитанию, – сказал Человек, главенствующий в эти годы среди деревьев-отцов. – Даже если все люди Лузитании погибнут, человеческая раса не исчезнет. Тогда как Королева Уля и мы, пеквениньос, поставили на карту свое выживание. Однако мы понимаем, что пока что на новых мирах-колониях людей должно быть больше, потому что вы обладаете знаниями ремесел и технологий, которыми мы еще не овладели. Потому что вы умеете подчинять новые планеты. И потому, что вы по-прежнему

можете спалить наши леса.

Человек изъяснялся весьма разумно, выражая свое негодование вежливо, тогда как другие пеквениньос и деревья-отцы были не столь сдержанны в выражениях:

– Почему мы должны позволять этим захватчикам, которые навлекли на наши головы все беды, спастись, тогда как большинство из нас погибнет?!

– В противостоянии рас нет ничего нового, – сказал Миро.

– Но до нынешнего момента у нас имелся сдерживающий фактор. Эндер, – объяснил Грег. – Пеквениньос, Королева Уля и большая часть человеческого населения видели в Эндере честного посредника. Этому человеку они могли верить. Они знали, что, пока он у руля, пока его голос слышен, их интересы будут отстаиваться.

– Но исход возглавлял не один Эндер, – возразил Миро.

– Это вопрос веры, а не личных достоинств, – вступила в разговор Валентина. – Нечеловеческим расам известно, что Эндер – Говорящий от Имени Мертвых. Ни один человек не выступал в защиту инопланетян столь последовательно. Тогда как людям Эндер известен под именем Ксеноцид – когда бесчисленное множество поколений назад у человеческой расы появился могучий враг, именно он остановил нашествие жукеров и спас человечество от полного уничтожения. Так что достойного и равного Эндеру кандидата нет.

– А я-то тут при чем? – огрызнулся Миро. – Меня никто не будет слушать. У меня нет связей. И вряд ли я смогу занять место Эндера. А сейчас я очень устал и хочу спать. Посмотрите на Вэл, она тоже с ног валится от усталости.

Она и вправду еле стояла. Миро шагнул к девушке, чтобы поддержать ее; она с благодарностью оперлась на его плечо.

– Мы не просим тебя занимать место Эндера, – сказал Ольяду. – Мы не хотим, чтобы кто-либо занимал его место. Нам нужно, чтобы он сам занял это место.

Миро рассмеялся:

- И вы думаете, я смогу убедить его? Вообще-то, среди нас находится его родная сестра! Отправьте ее!

Валентина скорчила гримасу:

- Мирю, он не станет встречаться со мной.

- А с чего вы взяли, что меня он примет?

- Не тебя, Мирю. Джейн. Ту сережку, что ты носишь в ухе.

Миро ошеломленно оглядел присутствующих:

- Вы хотите сказать, что Эндер отключил свой передатчик?

В его ухе раздался тихий голос Джейн:

- Я слишком замоталась. Не подумала, что это так важно для тебя.

Но Мирю-то знал, что пережила Джейн, когда Эндер отключил ее в первый раз. Теперь у нее есть другие друзья, но это вовсе не означает, что разлука будет менее болезненной.

- Если бы ты сходил к нему и убедил поговорить с Джейн... - продолжала Валентина.

Миро покачал головой:

- Он снял серьгу, неужели вы не понимаете, что? он решил раз и навсегда? Он убедил себя последовать за матерью в изгнание. Эндер не меняет своих решений.

И им это было известно. По сути дела, обратившись к Мирю, они и не надеялись, что он сможет исполнить их просьбу. Это была последняя, отчаянная попытка.

– Что ж, пускай все рушится, – махнул рукой Грегго. – Пускай начинается хаос. А потом, когда наши расы схватятся друг с другом, мы позорно умрем. Пусть флот уничтожает нас. Джейн повезло; она сыграет в ящик до того, как корабли доберутся до Лузитании.

– Передай ему от меня спасибо, – сказала Джейн Миро.

– Джейн передает тебе свою искреннюю признательность, – съязвил Миро. – Ты такой мягкосердечный, Грегго, сил нет.

Грегго вспыхнул, но своих слов обратно не забрал.

– Эндер не Господь Бог, – разозлился Миро. – Мы справимся и без него. А сейчас, как мне кажется, самым лучшим выходом из положения будет...

– Поспать, мы уже слышали, – кивнула Валентина. – Но на этот раз вы здесь не останетесь. Прошу тебя. У нас сердце на куски разрывается при виде ваших измученных лиц. Джакт привел такси. Поехали домой, выспитесь в нормальных постелях.

Миро взглянул на Вэл, сонно приникшую к его плечу.

– И она, конечно, тоже, – усмехнулась Валентина. – Факт ее существования вовсе не расстраивает меня. Что бы вы там ни думали.

– Я так никогда не считала, – произнесла юная Вэл.

Она протянула Валентине похудевшую руку, и две женщины, носящие одно и то же имя, обменялись крепким рукопожатием. Вэл перешла от Миро к Валентине и оперлась на нее. Буря чувств, которая поднялась внутри Миро, порядком удивила его. Вместо того чтобы испытать облегчение, увидев, что они вовсе не испытывают друг к другу ненависти, он почувствовал чуть ли не ярость. Ярость ревности, вот как это называется. «Но ведь она на меня опиралась», – захотелось крикнуть ему. Что за детские эмоции?

Провожая их взглядом, он вдруг заметил то, чего замечать не следовало.

Валентина содрогнулась. Или это просто озноб? Ночь и в самом деле выдалась

прохладной. Но нет, Миро был абсолютно уверен, что эта дрожь была вызвана прикосновением ее юной двойняшки, а не холодным ночным воздухом.

– Миро, пойдём, – окликнул Ольяду. – Погрузим тебя на грузовик, а переночуешь в доме Валентины.

– А по пути перекусить остановимся?

– Кроме Валентины, там ещё живёт Джакт, – напомнила Эланора. – А значит, найдётся что поесть.

Летающий к Милагре грузовик по пути миновал дюжину космических кораблей, вокруг которых суетились рабочие. Работы не прекращались даже ночью. Грузчики – многие из них пеквениньос – загружали в корабли еду и оборудование. Семьи выстроились в очереди, чтобы заполнить оставшееся в кабине место. Всю ночь Джейн без устали будет переправлять кабинку за кабинкой во Вне-мир и обратно. На других планетах поднимутся новые дома, будут засеяны новые поля. Интересно, день там сейчас или ночь? Какая разница. В этом смысле они уже победили – освоено много новых миров, в каждом из которых имеется улей, лес пеквениньос и людская деревенька.

«Даже если Джейн сегодня умрет, – подумал Миро, – даже если завтра появится флот и разнесет нас в пыль, по большому счету это не будет иметь никакого значения. Ветер уже разнес семена, и многие из них пустят корни. Если секрет мгновенного перемещения в пространстве будет утерян вместе с Джейн, это даже лучше, потому что каждый из новых миров отныне будет зависеть лишь сам от себя. Некоторые колонии наверняка погибнут. На других планетах разразится война и одна из рас непременно будет стерта с лица земли. Но какая-то обязательно выживет: на одной планете – одна, на другой – другая; а некоторые миры найдут способ жить в мире. Остались лишь детали. Этот выживет, или тот умрет... Конечно, это важно. Но выживание целой расы куда важнее».

Должно быть, какие-то из своих мыслей он проговорил, потому что Джейн не замедлила ответить:

– Ужель не может компьютерная программа-переросток обладать зрением и слухом? Ужель нет у меня разума, нет сердца? Разве я не смеюсь, когда

щекочешь ты меня?

– Честно говоря, нет, – беззвучно проговорил Миро, создавая губами и языком слова, которые могла слышать только она.

– Но когда я умру, погибнет весь мой род, – сказала она. – Извини, конечно, что я придаю этому такое вселенское значение. Я вовсе не столь самоотверженна, как ты, Миро. И не считаю, что живу в долг. Я твердо вознамерилась жить вечно, так что любой меньший срок, отпущенный мне, считаю неприемлемым.

– Скажи, что надо сделать, и я исполню, – ответил он. – Если потребуется, я умру ради тебя.

– К счастью, ты и так рано или поздно умрешь, – усмехнулась Джейн. – Это единственное мое утешение. Своей смертью я подпишу тот же самый приговор всем остальным живым существам. Даже деревьям-долгожителям. Даже Королевам Ульев, которые передают воспоминания из поколения в поколение. Но у меня, увы, не будет детей. Откуда им взяться? Я создание чистого разума. В уме не больно-то потрахнешься.

– А жаль, – посочувствовал Миро, – могу поспорить, в виртуальной постели тебе не было бы равных.

– Именно, – подтвердила Джейн.

Некоторое время царил тишина.

Только когда грузовик приблизился к дому Джакта – новому строению, недавно выросшему на окраине Милагре, – Джейн снова подала голос:

– Миро, не забывай: что бы Эндер с собой ни сотворил, его айю продолжает говорить голосом юной Валентины.

– И Питера, – добавил Миро. – Забавная выходит ситуация. Стало быть, Вэл, какой бы миленькой ни была, не воплотила в себе идеальное равновесие. Эндер, может быть, управляет ею, но она – не Эндер.

– Его слишком много, тебе не кажется? – спросила Джейн. – И очевидно, меня тоже слишком много. По крайней мере, так считает Межзвездный Конгресс.

– Честно говоря, нас всех слишком много, – заметил Миро. – Но кого-то всегда не хватает.

Наконец они прибыли. Миро и Вэл провели в дом. Они немножко перекусили, после чего, добравшись до подушек, мгновенно заснули. Сон Миро был беспокоен, он дремал, ворочаясь на непривычно мягком матрасе. До поздней ночи он слышал какие-то разговоры. А может быть, не отпускали возложенные на него обязанности, словно он был солдатом, покинувшим пост и терзаемым совестью.

* * *

Несмотря на усталость, долго Миро не проспал. Небо, когда он проснулся, было еще темным, лишь на горизонте показалась светлая полоска, предвещающая скорый рассвет. Он по привычке резво вскочил с постели и, покачнувшись, оперся рукой на стену, ожидая, когда остатки сна покинут его тело. Прикрывшись простыней, он отправился на поиски туалета, чтобы облегчиться. Вернувшись из ванной, Миро вдруг услышал доносящиеся из кухни голоса. Либо ночной разговор затянулся до самого утра, либо какие-то психи ненормальные, обожающие рано вставать, разгоняли утренние сумерки разговорами, совсем позабыв, что предрассветный час посвящен отчаянию.

Он остановился перед открытой дверью своей комнаты, вознамерившись было вернуться в теплую кровать и отгородиться от громких споров, но вдруг понял, что один из голосов принадлежит юной Вэл. А другой – Валентине. Он сразу повернулся и пошел в кухню. Войдя в полосу света, он застыл.

Две Валентины сидели за столом друг напротив друга. Периодически отхлебывая из стаканов, в которых плескался один из плодово-травяных коктейлей Валентины, они обе смотрели в окно.

– Хочешь коктейль, Миро? – не поднимая головы, спросила Валентина.

– Я что, смертник? – усмехнулся Миро. – Извините, я вовсе не хотел вам мешать.

- Ничего, - покачала головой Валентина.

Юная Вэл упорно молчала.

Миро открыл кран, налил себе полный стакан воды и залпом выпил.

- Я ж говорила, что это Миро пошел в туалет, - сказала Валентина. - Никто не способен произвести в день столько жидкости, как наш общий знакомый.

Миро хмыкнул, но Вэл даже не улыбнулась.

- Я помешал вашему разговору, - промолвил он. - Я лучше пойду.

- Остайся, - попросила Валентина.

- Пожалуйста, - сказала Вэл.

- Дамам отказать не могу, - ухмыльнулся Миро, поворачиваясь к юной Вэл.

Она пихнула ему ногой стул.

- Садись, - приказала она. - Мы с Валентиной беседовали о нашем сходстве.

- И пришли к выводу, - вступила Валентина, - что я должна сойти в могилу первой.

- Напротив, - возразила юная Вэл. - Мы решили, что Джеппетто создал Пиноккио вовсе не потому, что ему хотелось сына. Ему с самого начала нужна была марионетка. А сделать настоящего ребенка ему было лень. Он хотел, чтобы марионетка танцевала - только и за нитки ему было лень дергать.

- Значит, ты - Пиноккио, - подвел итог Миро, - а Эндер...

- Мой брат не хотел создавать тебя, - сказала Валентина. - И он вовсе не желает управлять тобой.

– Я знаю, – прошептала Вэл. И внезапно на ее глазах выступили слезы.

Миро протянул руку, чтобы накрыть ее пальцы, но она резко отдернулась от него. Хотя сделала она это не специально, просто она хотела смахнуть с ресниц мешающие, надоедливые капли слез.

– Он бы обрезал нити, если б мог, я это знаю, – продолжала Вэл. – Как Миро оборвал нити, поддерживающие его старое, искалеченное тело.

Миро прекрасно помнил ту сцену. Вот он сидит в кресле космического корабля, разглядывая собственного двойника, полного сил, юного и здорового; а вот он уже этот самый двойник, всегда им был, и смотрит он на искалеченное, изломанное отражение себя. Прямо у него на глазах это ненавистное, нежеланное тело рассыпалось в пыль и пропало.

– Вряд ли он ненавидит тебя, – сказал Миро. – Я свою старую личность ненавидел.

– Ему не обязательно ненавидеть меня. Твоего двойника убила не ненависть. – Вэл старательно избегала встречаться с ним взглядом. Обследуя всевозможные миры, они много часов провели наедине друг с другом, но ни разу не касались столь личных вопросов. Она не осмеливалась обсуждать с ним тот момент, когда они оба были созданы. – Пребывая в старом теле, ты от всей души ненавидел свою телесную оболочку, но, оказавшись в новой системе, ты просто перестал обращать внимание на свое старое вместилище. Оно перестало быть частью твоей личности. Твоя айю больше не несла за него ответственности. Опускаем кролика в шляпу, раз – и он пропал!

– Сначала деревянная кукла, – начал считать Миро. – Затем кролик. Ну, кем еще вы меня обзовете?

Валентина пропустила мимо ушей шутку Миро:

– То есть ты хочешь сказать, что Эндера ты не интересуешь.

– Он восхищается мной, – поправила Вэл. – Но считает страшной занудой. Ему со мной скучно.

– Обо мне он такого же мнения, – кивнула Валентина.

– Чушь какая-то, – удивился Миро.

– Думаешь? – подняла брови Валентина. – Он никогда не следовал за мной; это я все время следовала за ним. Мне кажется, он искал цель своей жизни. Ему хотелось великих деяний, чтобы искупить то страшное преступление, которым он подвел черту под своим детством. Он счел, что, написав «Королеву Улья», искупит свою вину. Затем, с моей помощью, он написал «Гегемона» и решил, что этого хватит с лихвой. Не хватило. Он продолжал искать тему, которая бы заняла все его воображение. Он почти достигал своей цели, обретал желаемое на неделю или на месяц, но никогда, никогда я не занимала его, потому что я бок о бок с ним прошла миллиарды миль, преодолела три тысячи лет. Свои статьи я писала не из особой любви к истории, а потому, что они помогали в его деле. Как когда-то мои труды помогли Питеру. Закончив статью, я на несколько часов, пока мы читали ее вслух и обсуждали, привлекала его внимание. Только с каждым разом меня все меньше удовлетворял результат, потому что его привлекало не мое общество, а моя писанина. Так продолжалось до тех пор, пока я не встретила мужчину, который отдал мне свое сердце, и не осталась с ним. А мой юный братец отправился в путь без меня и тоже нашел себе семью, которой отдал свое сердце. Мы зажили на разных планетах и друг без друга были счастливы как никогда в жизни.

– Тогда почему же ты снова прилетела к нему? – спросил Миро.

– Я прилетела не к нему. Я летела к вам. – Валентина улыбнулась. – Я прилетела на планету, которая находилась под угрозой уничтожения. Но я была рада снова увидеть Эндера, хотя знала, что мне он никогда не будет принадлежать.

– Только что ты изложила ход событий, руководствуясь собственной точкой зрения, – сказала Вэл. – Но тем не менее ты все равно занимала его мысли. Я же существую только потому, что в его сердце живешь ты.

– Детская фантазия, может быть. Но не я.

– Посмотри на меня! – воскликнула Вэл. – Такое ли тело ты носила, когда он в пять лет был забран из дома и послан в Боевую Школу? Эта ли девочка встречалась с ним у озера в Северной Каролине? Нет, ты интересовала его много

позже, потому что твой образ, носимый в его сердце, воплотился в меня.

- Ты такая, какой я была, когда мы вместе работали над «Гегемоном», - печально согласилась Валентина.

- И ты тогда ощущала такую же усталость? - горько усмехнулась Вэл.

- Не знаю, как вы, но я точно устал, - заявил Миро.

- Неправда, - ответила Валентина. - Ты воплощение мужества. Ты все еще празднуешь обретение прекрасного нового тела. А моя двойняшка устала сердцем.

- Внимание Эндера всегда разделялось, - сказала Вэл. - Меня переполняют его воспоминания - или, скорее, те воспоминания, которыми, как он подсознательно считал, я должна обладать. Но, разумеется, эти воспоминания состоят только из того, что помнится Эндеру о Валентине, так что я помню только свою жизнь с Эндером. И всегда ему на ухо нашептывала Джейн, всегда он занимался людьми, о чьих смертях потом говорил, всегда вокруг него были студенты, всегда рядом с ним была Королева Улья и так далее. Но это были случайные связи. Как и всякий эпический странствующий рыцарь, он скитался с места на место, преобразуя других, но сам не меняясь. Но наконец он достиг этой планеты и полностью посвятил себя другим людям. Тебе и твоей семье, Миро. Новинье. В первый раз он позволил другим людям рвать на клочки его чувства, это было прекрасно и ужасно больно одновременно, но даже с этим он справился - он сильный человек, а силачи могут нести страшный вес. Однако сейчас все изменилось. Питеру и мне, нам нет жизни без него. Можно в переносном смысле сказать, что он един с Новиньей; но со мной и Питером он един в буквальном смысле этого слова. Он - это мы. И его айю не так велика, она не слишком сильна и обильна, ее внимания не хватает, чтобы следить одновременно за тремя жизнями, которые зависят от нее. Я поняла это, как только была... как это называется, создана? Слеплена?

- Рождена, - предложила Валентина.

- Ты стала сбывшейся мечтой, - произнес Миро, на этот раз вовсе не иронизируя.

– Эндер не может поддерживать нас троих. Себя самого, Питера и меня. Один из нас тихо угаснет. И по крайней мере один из нас погибнет. Это я. Я знала об этом с самого начала. Мне суждено было стать тем, кто погибнет.

Миро хотел переубедить ее. Но переубедить человека можно, только приводя примеры подобных историй, которые имели счастливый конец. Историй, подобных этой, еще не случилось.

– Вся беда в том, что частичка айю Эндера, которая живет во мне, твердо намерена жить и дальше. Я не хочу умирать. Вот почему я так уверена, что он еще заботится и помнит обо мне: я не хочу умирать.

– Так сходи к нему, – посоветовала Валентина. – Поговори с ним.

Юная Вэл горько хмыкнула и отвернулась.

– Ну, пап, пожалуйста, дай мне пожить еще чуть-чуть, – детским голосочком пропищала она. – Он не может контролировать свою айю, так что с того, что я приду к нему? Он будет только страдать от вины. Хотя почему он должен чувствовать себя виноватым? Я перестану быть только потому, что мое собственное «я» не ценит меня. Он есть мое «я». Чувствуют ли боль ногти, когда их отрезают?

– Но ты сама молишь о его внимании, – напомнил Миро.

– Я надеялась, что поиск пригодных для обитания планет заинтересует его. Именно поэтому я так самозабвенно носилась по космосу, стараясь восторгаться приключениями. Но дело в том, что все это донельзя обыденно. Важно, но обыденно, Миро.

Миро кивнул:

– Ты права. Джейн находит миры. А мы всего лишь проводим их исследование.

– Причем планет уже предостаточно. Колоний хватит с избытком. Их две дюжины – пеквениньос и Королевам Ульев больше не грозит вымирание, даже если Лузитания будет уничтожена. Теперь все упирается не в количество миров,

а в количество кораблей. Поэтому наш труд больше не занимает внимания Эндера. И мое тело знает это. Моему телу известно, что необходимость в нем отпала.

Она подняла руку и дернула себя за прядь волос – не сильно, легонько. Почти вся прядь осталась у нее в кулаке, и, судя по всему, никакой боли Вэл не испытала. Она разжала пальцы, и прядь медленно упала на стол. Она лежала там, словно отделенная от тела конечность, гротескная, невероятная.

– Думаю, – прошептала она, – то же самое я могу проделать с пальцами. Медленно, но верно я рассыпаюсь в прах, как и твое старое тело, Миро. Потому что он не интересуется мной. Питер решает загадки и ведет политические войны на далекой планете. Эндер пытается держаться за женщину, которую любит. Но я...

В то самое мгновение, когда она наконец открыла глубины собственного отчаяния, одиночества и самоотвержения, Миро вдруг понял то, о чем раньше не позволял себе даже помыслить: за те недели, которые они провели, путешествуя вместе с планеты на планету, он полюбил ее; ее беды отозвались в нем сильной болью, словно все это происходило с ним самим. А может, и в самом деле с ним когда-то это было, он еще помнил о том, как презирал самого себя. Какова бы ни была причина, он испытывал нечто большее, нежели просто сострадание. Он почувствовал что-то вроде желания. Да, что-то, похожее на любовь. Если эта прекрасная, мудрая, умная девушка не находит отклика в своем сердце, в сердце Миро хватит места, чтобы принять ее. «Если Эндер не хочет быть тобой, позволь мне занять его место!» – про себя взмолился он. Впервые за многие дни, недели он выразил свои чувства, которые раньше не понимал. Однако он знал, что он не сможет заменить ей Эндера.

Но, может быть, любовь спасет Вэл, как спасает Эндера? Может быть, внимание Миро поможет ей сохранить жизнь? Вернуть ей силы?

Миро протянул руку, взял со стола прядь волос, обернул ее вокруг пальцев, после чего сунул вьющийся локон в нагрудный карман рубашки.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, – произнес он.

Смелые слова.

Юная Вэл бросила на него странный взгляд:

– А я думала, что самой большой любовью в твоей жизни была Кванда.

– Она уже взрослая женщина, – сказал Миро. – Она замужем, у нее семья, она счастлива. Было бы очень печально, если бы моей самой большой любовью стала женщина, которой больше не существует. Даже если она и существует, я ей безразличен.

– Очень мило с твоей стороны предложить мне помощь, – улыбнулась Вэл. – Но вряд ли у нас получится обмануть Эндера и привлечь его внимание этой притворной игрой в любовь.

Ее слова ужалили Миро в самое сердце – она без труда разгадала его порыв и поняла, что в основном его признание основывается на жалости. Однако не только жалость подтолкнула его к этим словам; это признание давно просачивалось в сознание, ожидая возможности выплеснуться наружу.

– Я и не думал никого обманывать, – сердито огрызнулся Миро.

«Кроме себя самого, – про себя добавил он. – Потому что Вэл не сможет полюбить меня. Ведь она, по сути дела, даже не настоящая женщина. Она – Эндер».

Но это невозможно. Ее тело – это тело женщины. А откуда еще исходит любовь, если не из тела? Обладает ли айю мужскими или женскими признаками? Перед тем как стать повелителем плоти и крови, обладает ли она полом? А если обладает, значит ли это, что айю, составляющие атомы и молекулы, скалы, звезды, свет и ветер, делятся на мальчиков и девочек? Ерунда какая-то. Айю Эндера вполне может быть женщиной, может любить, как женщина, точно так же, как, пребывая в теле мужчины, она любит сейчас мать Миро. Вэл посмотрела на Миро с такой жалостью не потому, что в ней крылся какой-то изъян. Ущербным был он. Даже вернув себе здоровое тело, он так и не стал мужчиной, которого может полюбить, возжаждать или завоевать женщина – даже та женщина, которую сейчас он желал больше всего на свете.

– Не следовало мне сюда приходить, – пробормотал он.

Оттолкнувшись от стола, он поднялся и в два больших шага пересек кухню. Выйдя в коридор, он вскоре добрался до своей комнаты, но до него вновь донеслись их голоса, и поэтому он застыл на пороге.

– Нет, не ходи к нему, – сказала Валентина. И что-то добавила тихим голосом. А потом: – Может, он и получил новое тело, но его ненависть к себе так и не исчезла до конца.

Неразборчивый ответ юной Вэл.

– Миро говорил от всего сердца, – заверила ее Валентина. – Он очень смело и честно поступил.

Снова ответ Вэл прозвучал слишком тихо, и Миро не разобрал ни слова.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовалась Валентина. – Пойми, мы вместе проделали долгий путь на одном космическом корабле, это случилось не так давно, и мне кажется, он немножко влюбился в меня за время того полета.

Наверное, это было правдой. На самом деле так все и было. Миро ничего не оставалось, как признать это: некоторые из чувств, которые он испытывал к Вэл, на самом деле были чувствами, которые он питал к Валентине, превратившейся из недоступной женщины в молодую девушку. Только эта девушка, как он надеялся, была рядом и свободна.

Их голоса стали тише, и до Миро доносилось лишь неразборчивое бормотание. Однако он не уходил; уперевшись руками в дверной косяк, он прислушивался к тихим голосам, которые были так похожи, так хорошо знакомы ему. Их музыку он готов был слушать вечно.

– Если и есть кто-нибудь в этой Вселенной, похожий на Эндера, – внезапно заявила Валентина, – так это Миро. Он стал калекой, пытаюсь спасти невинных существ от гибели. И он так до конца и не исцелился.

«Она специально произнесла это так, чтобы я услышал, – понял вдруг Миро. – Она говорила во весь голос, зная, что я стою здесь и слушаю. Старая ведьма ждала, когда хлопнет моя дверь, и, не услышав этого, поняла, что я не ушел в

комнату. Она пытается заставить меня взглянуть на себя. Но я не Эндер, я всего лишь Миро, и если она говорит обо мне такое, это только еще раз доказывает, что она меня вообще не знает».

- Ой, заткнись, опять ты врешь самому себе, - раздался у него в ухе тихий голос.

Джейн, конечно же, тоже все слышала. Даже его мысли, потому что по привычке он проговаривал их про себя. Он уже не мог думать, не двигая губами, языком. Джейн - это его исповедник, который сопровождает его повсюду.

- Ты влюбился в девчонку, - продолжала Джейн. - Почему бы и нет? Ты терзаешься своими чувствами к Эндеру, Валентине, Кванде и самому себе. Что с того? Разве была когда-нибудь кристально чистая любовь? А влюбленные только и делают, что терзаются и путаются в собственных чувствах. Думай о ней как о суккубе. Ты полюбишь ее, а она рассыплется в пыль в твоих объятиях.

Насмешки Джейн раздражали. И вместе с тем забавляли. Он вошел в свою комнату и тихонько прикрыл дверь. Закрыв ее, он прошептал:

- Ты просто ревнуешь, старая сучка. Хочешь, чтобы я принадлежал тебе одной.

- Ты не ошибаешься, - ответила Джейн. - Если бы Эндер на самом деле любил меня, то, оказавшись во Вне-мире, он бы создал мое человеческое тело. Тогда бы я смогла заигрывать с тобой.

- Мое сердце уже принадлежит тебе, - признался Миро. - Все целиком, без остатка.

- Ну и любишь ты приврать, - хмыкнула Джейн. - Я всего лишь говорящая записная книжка и калькулятор одновременно. И ты это прекрасно знаешь.

- Но ты очень, очень богата, - возразил Миро. - Я женюсь на тебе ради твоих денег.

- Кстати, - вдруг перебила его Джейн, - в одном она точно заблуждается.

– В чем именно? – спросил Миро, гадая про себя, кого именно подразумевает Джейн.

– Исследование миров еще не закончилось. Заинтересован в этом Эндер или нет – а я думаю, ему ваши полеты небезразличны, потому что она еще не превратилась в пыль – ваша работа, она не закончилась на том, что вы отыскиали планеты-колонии для свинксов и жукеров.

Говоря об этих расах, Джейн частенько использовала их старые уменьшительно-уничижительные названия. Миро никак не осмеливался спросить, имеется ли у нее в словаре уничижительное название для людей. Хотя он догадывался о возможном ответе. «Термин „человек“ сам по себе достаточно уничижителен», – сказала бы она.

– Так что же мы ищем? – поинтересовался Миро.

– Мы должны обследовать как можно больше миров, прежде чем я погибну, – ответила Джейн.

Лежа на кровати, он долго раздумывал над ее словами. Ворочался с боку на бок, затем поднялся, оделся и вышел под светлеющее небо. По пути ему встретилось несколько таких же, как и он, ранних пташек. Люди спешили по своим делам, мало кто знал его в лицо, а многие даже не ведали о его существовании. Потомок странного семейства Рибейра, он не завел много знакомств в ginasio[6 - Школа (португ.)]. Будучи талантливым и в то же время застенчивым юношей, он не обзавелся друзьями в colegio[7 - Колледж (португ.)]. Его единственной девушкой была Кванда, но попытка перелезть через изгородь, отделяющую человеческую колонию от леса пеквениньос, закончилась для него весьма плачевно: он стал калекой. И рухнули все надежды на будущее с Квандой. Космический перелет навстречу Валентине оборвал последние тонкие ниточки, связывающие его с миром детства. На борту корабля он провел всего несколько месяцев, но на планете за это время прошли долгие годы. Он стал самым младшим сыном матери, единственным, чья настоящая жизнь еще толком не началась. Дети, за которыми он присматривал, повзрослели и обращались с ним как с милым воспоминанием, явившимся из юных лет. Только Эндер не изменился. Сколько бы ни прошло лет, что бы ни случилось, Эндер не менялся.

Может ли такое быть? Разве мог прежний Эндер бросить своих близких в суровые времена и запереться в монастыре только потому, что мать окончательно расплевалась с жизнью? Миро хорошо помнил основные вехи жизни Эндера. В пять лет его забрали из семьи. Привезли в Боевую Школу на орбите, откуда он вышел, будучи последней надеждой человечества в войне с безжалостными захватчиками, называемыми жукерами. Вскоре он был отправлен на командный пост, располагающийся на Эросе, где, как ему сказали, должно продолжиться его обучение. Очувтившись там, он встал во главе самых настоящих флотилий, расположенных от него за многие световые годы. Приказы его передавались по ансиблю. В той войне он одержал блистательную победу и в конце, сам того не подозревая, стер в порошок родную планету жукеров. Но он думал, что все это игра.

Думал, что это всего лишь игра, хотя знал, что игра эта полностью повторяет реальность. И в этой игре он решил совершить неслыханной, невероятной жестокости деяние; когда же игра обернулась реальностью, для Эндера это означало, что он виноват в происшедшем не меньше всех остальных. Хотя последняя Королева Улья простила его, доверив свой кокон его опеке, он так никогда и не избавился от чувства вины. Он был всего лишь ребенком, делающим то, что велели ему взрослые; но где-то в глубине своего сердца он понимал, что даже ребенок – это человек, что поступки ребенка – это поступки человека, что даже в детской игре заложена мораль.

Солнце едва показалось над горизонтом, когда Миро вместе с Эндером подошли к каменной скамейке в саду. Вскоре этот камень зальют солнечные лучи, но сейчас его пронизывал утренний холод. И первыми словами, с которыми Миро обратился к этому постоянному, неизменному человеку, были:

– Что это еще за монастыри, Эндрю Виггин? Решил умыться руки? Или дать себя распять?

– Я тоже по тебе скучал, Миро, – улыбнулся Эндер. – У тебя усталый вид. Спать надо больше.

Миро вздохнул и потряс головой:

– На самом деле я вовсе не то собирался тебе сказать. Я пытаюсь понять тебя, честно пытаюсь. Валентина говорит, я очень похож на тебя.

- Ты имеешь в виду настоящую Валентину? – уточнил Эндер.

- Они обе настоящие, – ответил Миро.

- Что ж, если я похож на тебя, загляни сначала внутрь себя, а потом скажешь мне, что ты там откопал.

Миро задумчиво поглядел на Эндера. Это он серьезно?

Эндер похлопал Миро по колену:

- Честно говоря, я не больно-то сейчас там нужен. Там, снаружи, – сказал он.

- Да ты сам не веришь в свои слова! – воскликнул Миро.

- Но я верю в то, что верю в них, – произнес Эндер. – И меня это устраивает. Прошу, не надо развеивать мои иллюзии. Я еще не успел позавтракать.

- Ты пользуешься удобным случаем, пользуешься тем, что тебя расщепило на три части. Эта твоя часть, изрядно постаревшая, может позволить себе роскошь посвятить себя целиком и полностью жене. И это только потому, что у тебя имеются две молоденькие марионетки и они идут и исполняют работу, которая на самом деле тебе небезразлична.

- Но она меня действительно больше не интересует, – пожал плечами Эндер. – Мне все равно.

- Тебе, Эндеру, все равно, потому что об этом, по твоему мнению, должны позаботиться представляющие тебя Питер и Валентина. Только Валентине сейчас очень плохо. Ты не обращаешь внимания на то, чем она занимается. И с ней сейчас происходит то, что когда-то произошло с моим искалеченным телом. В ее случае процесс идет медленнее, но тем не менее она разрушается. Такую гипотезу выдвинула сама Вэл, и Валентина считает, что это вполне возможно. Я тоже с ней согласен. И Джейн.

- Передай Джейн мою любовь. Я очень скучаю без нее.

- Джейн вполне хватает моей любви, Эндер.

Эндера его яростный ответ лишь позабавил:

- Когда тебя поведут на расстрел, Миро, твоим последним желанием будет выпить как можно больше воды. Чтобы твоим палачам пришлось вытаскивать твой труп из огромной лужи мочи.

- Валентина - это не сон и не иллюзия, Эндер, - заявил Миро, отказываясь переходить на обсуждение собственной личности. - Она - живой человек, и ты убиваешь ее!

- Ты очень драматично все изложил.

- Если бы ты видел, как сегодня утром она выдергивала целые прядки своих волос...

- Стало быть, у нее неплохие задатки актрисы, так я понимаю? Ты всегда был падок на театральные жесты. Не удивлен, что ты так расчувствовался.

- Эндрю, говорю тебе, ты должен...

Внезапно Эндер выпрямился, и голос его легко перекрыл голос Миро, хотя Эндер и не думал кричать.

- Ты мозгами пошевели, Миро. Неужели ты сам решил перепрыгнуть из своего старого тела в эту новую, усовершенствованную модель? Ты что, подумал минутку-другую и сказал: «Ну что ж, пусть этот тухлый труп разваливается на составляющие молекулы, потому что в новом теле мне будет лучше»?

Миро понял, что он имеет в виду. Эндер не мог управлять собственным отношением. Его айю, хоть она и представляла его глубинное «я», не принимала никаких приказов.

- Я понимаю, что мне нужно, только когда погляжу на себя со стороны, - продолжал Эндер. - И так поступаем все мы, если мы честны сами с собой. У нас есть свои чувства, свои решения, но в конце концов мы оглядываемся назад, на

свою жизнь, и видим, что порой мы пренебрегали чувствами, а большинство наших решений было просто-напросто воплощением решений нашего сердца, которые созрели задолго до того, как мы их осмыслили. Я ничего не могу поделать, если частичка меня, отвечающая за девушку, в чьем обществе ты путешествуешь, вовсе не так важна моей внутренней воле, как того бы хотелось тебе или Вэл. Здесь я бессилен.

Миро склонил голову.

Солнце поднялось над верхушками деревьев. Внезапно скамья осветилась яркими солнечными лучами, и, подняв голову, Миро увидел, что вокруг взъерошенных после сна волос Эндера образовался нимб.

– Интересно, может ли ушедший в монастырь человек быть шафером на свадьбе? – как бы про себя пробормотал Миро.

– Тебе она нравится, да? – спросил Эндер, хотя вопрос, скорее, был риторическим. – И тебя беспокоит, что она – это на самом деле я.

Миро пожал плечами:

– Так, корешок на тропинке. Думаю, мне достанет сил переступить через него.

– Но что, если ты мне не нравишься? – весело поинтересовался Эндер.

Миро развел руками и отвернулся.

– Черт знает что творится, – буркнул он.

– Ты настоящий милашка, – уверил Эндер. – Наверняка юная Валентина грезит тобой. Хотя не знаю. Мои сны все время об одном и том же: взрывающиеся планеты и мои близкие, гибнущие в огне.

– Я знаю, что ты помнишь о нас, Эндрю.

Этими словами Миро хотел извиниться, но Эндер лишь отмахнулся:

– Я не могу забыть этот мир, но могу игнорировать его. Я игнорирую все окружающее, Миро. Я игнорирую тебя, игнорирую те два ходячих воплощения. В данный момент я стараюсь игнорировать всех и вся, кроме твоей матери.

– И Господа Бога, – напомнил Миро. – Господа нельзя забывать.

– Ни на секунду, – подтвердил Эндер. – Но по сути дела, я не могу забыть никого. Я ничего не забыл. Однако да, я игнорирую даже Господа, если только Новинья не пожелает, чтобы я заметил его. Я превращаю себя в мужа, которого она всегда желала.

– Но почему, Эндрю? Ты же сам знаешь, у мамы всегда были проблемы с головой.

– Ничего подобного, – укоряюще промолвил Эндер. – Даже если и так... то это лишь еще одна причина.

– То, что соединил Господь, человек да не разлучит. Я только за, с философской точки зрения, но ты не знаешь, как это...

Миро почувствовал себя ужасно усталым, измученным. Он не знал, как выразить словами то, что хотел сказать. Это, наверное, потому, что он пытался рассказать Эндеру, каково это, быть Миро Рибейрой, ведь Миро даже определить свои чувства не мог, не говоря уже о том, чтобы выразить их вслух.

– Desculpa[8 - Прости (португ.)], – пробормотал он, перейдя на португальский. Это был язык его детства, язык его чувств. Он вдруг обнаружил, что стирает рукой катящиеся по щекам слезы. – Se n?o posso mudar nem voc?, n?o ha nada que possa, nada. – «Если даже тебя я не могу заставить измениться, тогда я вообще ничего не могу».

– Nem eu? – удивился Эндер. – Во всей Вселенной, Миро, нет человека, которого было бы труднее изменить, чем меня.

– Но у мамы это получилось. Она изменила тебя.

– Нет, – ответил Эндер. – Она всего лишь позволила мне быть таким, каким я хочу. Таким, какой я сейчас, Миро. Я не могу осчастливить всех и каждого. Я

своего счастья не могу найти, как не могу помочь тебе, а что касается всего остального, то и там я бессилён. Но, может быть, я смогу сделать счастливой твою мать. Хоть чуточку счастливее, чем она была, хоть на какое-то время. По крайней мере, я могу попытаться.

Он взял Миро за руки и прижал их к своему лицу. Миро почувствовал пальцами мокрую кожу.

Эндер поднялся со скамейки и побрел в сторону восходящего солнца, в лучащийся фруктовый сад. «Вот так, наверное, выглядел бы Адам, – подумал Миро, провожая его взглядом, – если б не попробовал плода. Если б он жил, жил, жил и жил в том саду. Три тысячи лет назад Эндер вознесся над течением жизни. И остановился, лишь увидев мою мать. Все детские годы я пытался освободиться от нее, тогда как он сознательно следует за ней и...

Но за что зацепиться мне, если не за него? За Эндера, поселившегося в теле девушки. За Эндера, чьи локоны падают на кухонный стол».

Миро уже собрался было встать и уйти, когда Эндер вдруг обернулся и замахал рукой, привлекая его внимание. Миро шагнул ему навстречу, но Эндер не стал дожидаться, пока юноша подойдет к нему; он сложил руки чашечкой и закричал:

– Передай Джейн! Если она найдет способ! Как это сделать! Она может забрать ее тело!

Миро даже не сразу понял, кого он имеет в виду. Он говорил о Вэл.

«Она не просто тело, ты, эгоцентричный престарелый разрушитель планет. Она не какой-то там старый костюм, который можно подарить кому-нибудь, поскольку он либо мал, либо не соответствует моде».

Но гнев его быстро испарился, ибо он вспомнил, как поступил со своим прошлым телом. Он выбросил его, ни секунды не пожалев об утрате.

Кроме того, эта мысль его заинтриговала. Джейн... Возможно ли это? Если ее айю каким-то образом переселится в Вэл, выдержит ли человеческое тело громадный разум Джейн, чтобы оживить ее, когда Межзвездный Конгресс

отключит все компьютеры?

– Вы, парни, такие тугодумы, – промурлыкала Джейн ему на ухо. – Я уже успела пообщаться с Королевой Улья и Человеком, чтобы выяснить, можно ли переселить айю в тело. Королевы Ульев когда-то сделали это, создав меня. Но они воспользовались не какой-то определенной айю. Они взяли первую попавшуюся, которая откликнулась на их призыв. Мой случай посложнее.

Шагающий к монастырским воротам Миро ничего не ответил.

– А, да, твои чувства по отношению к малышке Вэл... Тебе ненавистен тот факт, что, влюбившись в нее, ты в некотором роде влюбился в Эндера. Но если в ее тело переселюсь я, если я стану ее волей и буду управлять жизнью Вэл, останется ли она той девушкой, которую ты любишь? Выживет ли хоть часть ее? Не будет ли это убийством?

– Заткнись, а? – вслух попросил Миро.

Монастырская привратница с удивлением посмотрела на него.

– Это я не вам, – объяснил Миро. – Но это вовсе не означает, что это такая уж плохая мысль.

Спускаясь по тропинке к Милагре, Миро чувствовал у себя на спине ее взгляд. «Время возвращаться на корабль. Вэл будет ждать меня. Кем бы она ни была.

Эндер так предан матери, так терпелив с ней – неужели я то же самое испытываю по отношению к Вэл? Хотя нет, это, скорее, не чувство. Это деяние воли. Это решение, от которого потом не откажешься. Способен ли я ради кого бы там ни было пойти на такое? Способен ли я навсегда отдаться в чью-то власть?»

Тут он вспомнил Кванду и остаток пути преодолел, ощущая во рту горький вкус потери.

«Я человек идеальной простоты!»

Когда я была совсем ребенком, мне часто казалось,

Что боги расстраиваются,

Когда я, отслеживая жилку,

Бегущую сквозь дерево половицы,

На что-то отвлекаюсь.

Однако теперь я знаю, боги предрекают подобное,

Ибо им ведома наша бренность.

Наше совершенство поражает их.

Хань Цин-чжао. Шепот богов

Питер и Ванму прибыли в мир Священного Ветра на второй день путешествия. Проблем с языком у них не возникло. Священный Ветер был старой планетой, одной из первых, на которую прибыли иммигранты с Земли. Изначально Священный Ветер точно так же, как и Путь, был ориентирован на древнюю религию. Только системой верований Священного Ветра стала религия японцев, допускающая возможность радикальных перемен. Спустя примерно триста лет из изолированного феодального сёгуната, держащегося древних ритуалов, планета превратилась в космополитический центр торговли, промышленности и философии. Основной нацией Священного Ветра были японцы, которые очень гордились тем, что этот мир принадлежал практически им одним. До сих пор на планете многие дети до поступления в школу говорили исключительно по-японски. Однако к окончанию обучения все люди Священного Ветра бегло общались на звездном, в их устах этот язык звучал невероятно изящно, поразительно лаконично и точно. Как выразился Мил Фьорелли в своем самом знаменитом труде «Наблюдая за далекими мирами невооруженным глазом», звездный язык не имел своих корней, пока его не подхватил Священный Ветер.

Преодолев леса огромного естественного заповедника, посередине которого приземлился их корабль, Питер и Ванму оказались в деревеньке лесников, где, смеясь, поведали, как умудрились заплутать в местных лесах. И никто не обратил внимания на китайские черты лица и акцент Ванму и на белую кожу и невоспитанность Питера. Документы, по их словам, они где-то потеряли, но компьютерный запрос немедленно выдал информацию, что их водительские права зарегистрированы в городе Нагойя и, если не считать нескольких дорожных нарушений, висящих на Питере, ни в каких предосудительных, противозаконных деяниях молодые не замечены. В графе «Род занятий» у Питера стояло «вольнорабочий учитель физики», а у Ванму – «странствующий философ», то есть они, несмотря на свою юность и отсутствие семейных связей, занимали достаточно высокое положение в обществе Священного Ветра. Когда же им начали задавать случайные вопросы («О, кстати, мой кузен преподает псевдопроизводительную грамматику в университете Комацу в Нагойе!»), Питер обратился за подсказками к Джейн.

– Никогда не забредал в Здание Оэ, – повторил он за ней. – Эти лингвисты не любят общаться с физиками. Они считают, что мы разговариваем исключительно на языке математических символов. Даже Ванму утверждает, что нам, физикам, известна только одна грамматика – грамматика снов.

Ванму подсказать было некому, но странствующий философ должен быть афористичен в своей речи и высказывать свои мысли весьма туманно.

– Я утверждаю, что только на этой грамматике ты умеешь изъясняться, – ловко парировала она нападки Питера. – Но нет такой грамматики, которую ты не мог бы познать.

Питер в ответ принялся щекотать ее. Ванму громко рассмеялась и стала отбиваться от него, окончательно убедив лесников, что документы не лгут и эти юноша и девушка именно те, за кого себя выдают: талантливые, одаренные молодые люди, полностью отдавшие себя глупостям любви – или юности, если имеется какое-то различие.

На правительственном флайере их доставили в обжитые места, где благодаря манипуляциям Джейн с компьютерными сетями в их распоряжении оказалась небольшая квартирка, которая до вчерашнего дня стояла пустой, но к их приезду уже была оборудована эклектичной мебелью и картинами, выявив сдержанный и утонченный вкус оформителя.

– Миленко, – кивнул Питер.

Ванму, до сей поры знакомая с эстетическими предпочтениями лишь одной планеты – скорее даже, предпочтениями одного человека с той планеты, где она раньше жила, – не смогла оценить вкус Джейн. Сидеть можно было как на стульях, опускаясь на которые приходилось складываться под прямым углом, что, по мнению Ванму, было очень неудобно, так и на восточных циновках, на которых люди могли слиться в круг гармонии с землей. Спальня с кроватью на высоких ножках – хотя ни крыс, ни тараканов нигде не было видно, – должно быть, предназначалась Питеру; свое спальное место Ванму уже определила – та самая циновка, лежащая в гостиной и искушающая присесть на нее.

Она предложила Питеру первым принять ванну, однако он не ощутил крайней необходимости мыться, даже несмотря на то, что от него за милю несло потом после долгого перехода и нескольких часов, проведенных в тесном флайере. Поэтому Ванму могла спокойно понежиться в теплой воде. Закрыв глаза, она медитировала, пока не почувствовала, что полностью пришла в себя. Она уже не ощущала себя чужестранкой. Она снова стала собой и могла воспринимать окружение без боязни и страха, не опасаясь повредить свое чувство «я». Этому она научилась еще в детстве, когда она даже с собственным телом не могла совладать и вынуждена была во всем его слушаться. Именно это и помогло ей выжить. В жизни Ванму случалось немало неприятных вещей, всякие гадости так и липли к ней, как рыбы-прилипалы к акуле, но ничто не смогло изменить ее внутри. Она всегда умела закрыть глаза, успокоить ум и остаться в прохладной темноте одиночества.

Вынырнув из ванной, она обнаружила Питера перед голоэкраном. Рассеянно кидая в рот виноградины, он смотрел какую-то пьесу, в которой японские актеры в масках громко орали друг на друга и важно расхаживали по сцене, делая огромные неловкие шаги и стуча деревянной обувью, словно играли персонажей по меньшей мере в два раза выше себя ростом.

– Ты что, уже японский выучил? – поинтересовалась она.

– Джейн мне переводит. Очень странные люди.

– Это древняя форма театра, – объяснила Ванму.

– Скучища страшная. Что, неужели эти вопли должны пробудить в зрителе какой-то отклик?

– Проникнув в смысл истории, – произнесла Ванму, – ты обнаружишь, что они выкрикивают слова, произносимые твоим собственным сердцем.

– Ага, стало быть, наши сердца изъясняются, говоря нечто вроде: «Я ветер, прилетевший с холодных снегов высоких гор, а ты тигр, чей рев оборвет хладный клинок моих морозных очей, когда ты содрогнешься и падешь замертво»?

– Вот он ты, – фыркнула Ванму. – Только и знаешь, что хвастать да насмешничать.

– Я круглоглазый вспотевший человек, воняющий, словно разложившийся труп скунса, а ты цветок, который не преминет завянуть, коль сей же миг я не приму благоухающую щелочком и аммиаком ванну.

– Глаза только в воде не открывай, – посоветовала Ванму. – Эти штуки жгутся.

Компьютера в квартирке не оказалось. Может быть, головизор использовался как компьютер, но если это и так, то Ванму все равно не знала, как с ним обращаться. В доме Хань Фэй-цзы Ванму не встречала подобных пультов управления, что неудивительно. Люди Пути старались не перенимать дизайн других миров. Ванму даже не знала, как выключить звук. Ладно, не важно. Она опустилась на циновку и попыталась вспомнить все, что узнала о японцах из курса истории Земли, преподанного ей Хань Цин-чжао и ее отцом Хань Фэй-цзы. Она понимала, что ее образование оставляет желать лучшего, поскольку обучением какой-то презренной служанки, которой она была до того, как попала в дома Цин-чжао, никто, естественно, не занимался. Поэтому Хань Фэй-цзы посоветовал ей не тратить время на формальный курс обучения, а следовать своим интересам и изучать то, что ее в первую очередь интересует: «Твой ум не испорчен традиционной системой образования. Ты должна открыть собственный путь к сердцу каждой дисциплины». Несмотря на кажущуюся свободу, Фэй-цзы вскоре продемонстрировал, что он весьма въедливый и дотошный преподаватель, даже когда ученик выбирает предметы по собственному желанию. Что бы она ни изучала в истории, какие бы биографии ни читала, он все время засыпал ее вопросами, настаивал, чтобы она делала собственные

выводы, после чего разбивал ее доказательства в пух и прах. Если же она меняла точку зрения, он с не меньшей настойчивостью требовал, чтобы она обосновала свою новую позицию, даже если мгновением раньше он отстаивал те же самые принципы. В результате, даже обладая неполной информацией, Ванму старалась осмыслить, пересмотреть ее, отбросить старые заключения и выдвинуть ряд новых выводов. Так что Ванму не нуждалась в сережке, шепчущей на ушко. Закрыв глаза, она могла продолжить свое образование, ибо даже с расстояния многих световых лет до нее доносились словно случайные вопросы Хань Фэй-цзы.

Актеры отыграли пьесу задолго до того, как Питер вымылся. Но Ванму этого даже не заметила. Ее размышления прервал голос, донесшийся из головизора:

– Желаете ли вы, чтобы вам показали очередную голозапись, или, может быть, вы хотите подсоединиться к обычной программе?

На мгновение Ванму почудилось, что голос принадлежит Джейн, но потом она поняла, что это просто говорящее меню головизора.

– Новости входят в программу головидения? – спросила она.

– Какие именно новости желаете? Местные, региональные, всепланетные или межзвездные? – уточнила машина.

– Начнем с местных, – сказала Ванму.

Она практически ничего не знала об этой планете. Пришло время познакомиться поближе.

Когда Питер, чисто вымытый и одетый в один из модных местных костюмов, которые доставила ему Джейн, наконец вышел из ванной, Ванму с увлечением следила за ходом процесса над какими-то людьми, которых обвиняли в чрезмерной эксплуатации богатой рыбной области в нескольких сотнях километров от города, куда они прибыли. В каком же они городе находятся? Ах да, в Нагойе. Поскольку Джейн проставила в графе «Место жительства» фальшивых документов именно этот город, флайер, разумеется, сюда их и доставил.

– Все планеты одинаковы, – пожаловалась Ванму. – Люди хотят есть рыбу из моря, а кто-то все время стремится выловить больше рыбы, чем океан способен произвести.

– Какая разница, выйду я на рыбалку завтра или выловлю тонной больше сегодня? – в ответ заявил Питер.

– Если все так будут поступать, то... – Она резко замолкла. – Понимаю. Ты приводишь доводы, которые любит приводить всякий человек, не желающий признавать собственную вину.

– Как я тебе? Красавец, правда? – спросил Питер, поворачиваясь кругом и демонстрируя свободный и в то же самое время облегающий наряд.

– Цвета слишком яркие, – оценила Ванму. – Ты словно кричишь во всю глотку.

– Не-а, – поправил ее Питер. – Весь смысл в том, чтобы вопить начинали люди, меня увидевшие.

– А-а-а-а, – тихонько протянула Ванму.

– Джейн утверждает, что на самом деле это весьма и весьма консервативный костюмчик – для человека моего возраста и моего рода занятий. Мужчины в Нагойе славятся своей павлинообразностью.

– А женщины?

– Они все время ходят с голой грудью, – заявил Питер. – Потрясающее зрелище.

– Врешь ты все. Пока мы летели сюда, я не видела ни одной голой женщины и... – Снова она замолкла на полуслове и, нахмурившись, посмотрела на Питера. – Ты что, серьезно вознамерился убедить меня, что каждое твое слово – ложь?

– Я решил, что стоит попробовать.

– Не валяй дурака. У меня нет груди.

– Просто у тебя маленькая грудь, – пожал плечами Питер. – А чем отличается маленькая грудь от большой, ты сама знаешь.

– Я не намерена обсуждать свое тело с мужчиной, разодетым как дикий, потерявший всякое чувство меры попугай.

– Местные женщины одеваются очень безвкусно, – сказал Питер. – Печально, но факт. Положение обязывает и все такое прочее. Как и старики. Только мальчикам и юношам дозволяется наряжаться как павлины. Мне кажется, яркие цвета призваны успокаивать женщин. Эй, да этот парень ничего серьезного не затевает! Поиграйся с ним или иди своей дорогой. Нечто вроде того. Я думаю, Джейн выбрала этот город специально, чтобы напялить на меня эти одеяния.

– Мне хочется есть. Я устала.

– И что более насущно? – уточнил Питер.

– Есть хочу.

– Имеется виноград, – предложил он.

– Который ты даже не удосужился вымыть. Это говорит твое неумное желание смерти.

– На Священном Ветре насекомые знают свое место и стараются не высовываться. Никаких пестицидов. Гарантия Джейн.

– На Пути тоже не было пестицидов, – напомнила Ванму. – Но все равно мы мыли фрукты, чтобы не наестся бактерий и всяких одноклеточных тварей. Дизентерия не самая приятная штука.

– Но туалет у нас такой шикарный, грех было бы не воспользоваться его удобствами, – усмехнулся Питер.

Несмотря на его браваду, Ванму заметила, что угроза дизентерией возымела свое действие, заставив Питера обеспокоенно нахмуриться.

– Давай поедим в каком-нибудь ресторанчике, – сказала Ванму. – Джейн, надеюсь, обеспечит нас деньгами?

Питер на секунду-другую прислушался к сережке.

– Да, только нужно сказать владельцу ресторана, что мы потеряли наши удостоверения личности, и попросить его, чтобы он по отпечаткам наших пальцев определил номер счета. Джейн говорит, что, если надо, денег у нас будет предостаточно, но все равно мы должны вести себя так, будто зарплата у нас невысокая, просто мы скопили немножко денежек, чтобы отпраздновать какое-нибудь важное событие в нашей жизни. Итак, что мы будем праздновать?

– Что ты наконец помылся.

– За это будешь пить ты. Я выпью за наше благополучное возвращение из диких лесов.

Вскоре они вышли на улицу. Машин было мало, зато вокруг стояли целые сотни велосипедов; тысячи людей спешили куда-то, запрыгивая на быстро скользящие тротуары. Ванму не захотела пользоваться этими странными приспособлениями и настояла на том, чтобы идти по нормальной, твердой земле, а это означало, что ресторанчик надо найти где-нибудь поблизости. Здания района были старыми, но тем не менее сохранили изящный вид престижного городского района, где селятся только зажиточные люди. Здесь не придерживались строгого архитектурного стиля – арки и просторные дворы, колонны и обыкновенные крыши, подпираемые глухими стенами без окон.

– Погода, наверное, здесь прекрасная, – заметила Ванму.

– Тропики, но вдоль побережья проходит холодное течение. Каждый день часик-другой капает дождик – и так большинство дней в году. Но никогда здесь не бывает жары, а уж что такое холода, местным жителям вообще неизвестно.

– Такое впечатление, что все у этих людей на виду.

– Фальшивки, – поморщился Питер. – В нашей квартире стеклянные окна и микроклимат, если ты заметила. Но выходят окна в сад, кроме того, они

затемнены, так что снаружи ты в дом не заглянешь. Очень искусно все сделано. Искусственная дикая природа. Лицемерие и обман – основы человеческой вселенной.

– Здесь очень красиво, – сказала Ванму. – Мне нравится Нагойя.

– Жаль, что мы здесь не задержимся.

Прежде чем она успела спросить, какова цель их посещения этой планеты, Питер втокнул ее во дворик небольшого, но полного народом ресторана.

– Здесь рыбу готовят, – объяснил Питер. – Надеюсь, возражений у тебя не будет.

– А что, в других местах рыбу подают сырой? – рассмеялась Ванму.

Но потом поняла, что Питер не шутил. Сырая рыба, подумать только!

– Японцы славятся страстью к сырой рыбе, – продолжал Питер, – а в Нагойе эта страсть превратилась чуть ли не в религию. Заметь, ни одного японца в ресторане. Они отказываются есть рыбу, уничтоженную жаром плиты. Это одна из традиций, которой они до сих пор придерживаются. От оригинальной японской культуры осталось очень мало, поэтому они свято чтут немногие сохранившиеся обряды.

Ванму кивнула, понимая культуру, которая упорно цеплялась за давно отжившие традиции, чтобы сохранить свое национальное лицо. И вместе с тем девушка с благодарностью отметила, что на этой планете соблюдение обычаев – это личное дело каждого человека, эти традиции не калечат и не уничтожают жизни людей так, как это было на Пути.

Обед подали быстро – рыба была готова чуть ли не моментально, – и они принялись за еду. Питер то и дело елозил на циновке.

– Жаль, что традиция пользоваться нормальными стульями и столами сюда так и не добралась, – наконец пожаловался он.

– Неужели европейцы так ненавидят землю, что все время должны приподниматься над нею? – удивилась Ванму.

– Ты сама ответила на свой вопрос, – холодно произнес Питер. – Ты начала с предположения, что мы ненавидим землю. Образованный человек, а веришь всяким первобытным штучкам...

Ванму вспыхнула и замолкла.

– Ой, только избавь меня от этой показной покорности восточных женщин, – махнул рукой Питер. – «Меня воспитывали как служанку, а вы такой злой, бессердечный хозяин...» Кончай давить на мое чувство вины. Мне известно, что я полное дерьмо, но я не намерен меняться только потому, что каждый раз ты принимаешь смиренно-обиженный вид.

– Но ты можешь измениться, когда не захочешь больше быть дерьмом.

– У меня характер такой. Эндер создал меня полным ненависти, чтобы он тоже мог ненавидеть меня. Дополнительная выгода этого заключается в том, что ты также можешь ненавидеть меня.

– Ладно тебе, ешь свою рыбу, – фыркнула она. – Ты сам не понимаешь, что несешь. По идее, ты должен с первого взгляда распознавать любого, а сам не можешь понять человека, который тебе ближе всех на свете.

– А я и не хочу понимать тебя, – огрызнулся Питер. – Я всего лишь прибегаю к помощи того блестящего интеллекта, которым ты обладаешь, чтобы выполнить поставленную передо мной задачу. Хотя ты со своей большой головой продолжаешь верить, что люди, сидящие на карачках, каким-то образом «ближе к земле», чем те, которые предпочитают высоко держать голову.

– Я имела в виду не себя, – ответила Ванму. – Я говорила о человеке, который тебе ближе всего. Об Эндере.

– Слава богу, он сейчас от нас далеко.

– Он создал тебя вовсе не затем, чтобы воплотить свою ненависть. Он давно пережил ненависть к тебе.

– Да-да, книжку «Гегемон» написал и так далее, и тому подобное.

– Именно, – кивнула Ванму. – Он создал тебя, потому что отчаянно нуждался в человеке, который будет ненавидеть его.

Питер закатил глаза и глотнул молочно-ананасового сока.

– Кокоса в самый раз. Пожалуй, я поселюсь здесь, если Эндер прежде не умрет и я не растворюсь в воздухе.

– Я говорю тебе нечто очень важное, а ты наслаждаешься кокосовым молоком в ананасовом соке?!

– Его достаточно ненавидит Новинья, – буркнул Питер. – Я ему не нужен.

– Новинья сердится на него, но она не права в том, что сердится, и ему об этом известно. От тебя же ему нужен... так называемый праведный гнев. Ты должен ненавидеть его за то зло, что действительно имеется в нем, но которое никто, кроме него, не видит и в которое ни один человек не верит.

– Я просто кошмарный сон, пришедший из его детства, – сказал Питер. – Ты слишком много смысла находишь во всей этой истории.

– Он создал тебя вовсе не потому, что Питер в его детстве был очень значимой фигурой. Он создал тебя как судью, как огласителя приговора. Вот что вколотил в него Питер, когда Эндер был еще ребенком. Ты же мне сам рассказывал свои воспоминания. Питер постоянно издевался над ним, говорил о том, как он бесполезен, туп, труслив. Теперь это делаешь ты. Ты смотришь на его жизнь и называешь его Ксеноцидом, неудачником. Зачем-то ему нужно это, зачем-то ему нужен человек, который бы проклинал его.

– Что ж, видишь, как удачно я подвернулся, – пожал плечами Питер.

- Но он не меньше нуждается в человеке, который бы его простил, который бы проявил милосердие, который бы правильно истолковал все его поступки. Валентина здесь не подходит, потому что он любит ее, настоящую Валентину. Жена у него есть. Твоя сестра нужна ему, чтобы обрести прощение.

- Значит, если я перестану ненавидеть Эндера, необходимость во мне сразу отпадет и я исчезну?

- Если Эндер перестанет ненавидеть себя, твоя злость ему больше не понадобится, и с тобой будет легче уживаться.

- Вообще, честно тебе скажу, думаешь, с тобой легко ужиться? Ты постоянно анализируешь поведение человека, которого никогда не встречала, и в то же самое время читаешь морали тому, кого знаешь.

- Я хочу унижить тебя в твоих же глазах, - ответила Ванму. - И это будет честно.

- Мне кажется, Джейн специально перенесла нас сюда, потому что местная одежда в точности отражает, кто мы есть на самом деле. Однако какой бы марионеткой я ни был, я нахожу в жизни некое извращенное удовольствие. Тогда как ты все, к чему прикасаешься, делаешь серым и однообразным.

Ванму проглотила слезы и вернулась к еде.

- Что это с тобой? - насторожился Питер.

Она не обратила на него внимания и медленно прожевала, найдя в себе нетронутую часть, которая была еще способна насладиться вкусной едой.

- Неужели ты что-то чувствуешь?

Она проглотила и подняла на него глаза:

- Я уже скучаю по Хань Фэй-цзы, хотя прошло каких-то два дня. - Она слегка улыбнулась. - Я знала человека великой мудрости и благородства. Он считал мое общество заслуживающим внимания. То, что я утомляю тебя, меня вполне устраивает.

Питер притворился, будто плескает на себя воду:

- Ой, пожар, я горю, больно как, невыносимо, сейчас помру! Жестокая женщина! У тебя дыхание дракона! Ты убиваешь словами!

- Только марионетки могут бравировать своими ниточками, - парировала Ванму.

- Уж лучше болтаться на этих ниточках, чем быть связанным по рукам и ногам, - ответил Питер.

- О, как, наверное, любят меня боги! Я стала спутницей человека, который играючи жонглирует словами.

- Ага, тогда как мне боги дали в спутницы девушку, у которой нет груди.

Собравшись с силами, она выдавила натянутую улыбку, притворяясь, что поняла его шутку.

- По-моему, ты говорил, что грудь у меня есть, просто она маленькая.

Улыбку, сияющую на его физиономии, как стерло.

- Извини, - мягко произнес он. - Я обидел тебя.

- Нет, не думаю. Скажу тебе позже, хорошо выспавшись.

- Я думал, мы просто пикируемся, - оправдывался Питер. - Обмениваемся шутливыми подначками.

- Так оно и было, - кивнула Ванму. - Только я говорила искренне.

- Тогда я тоже обиделся, - скорчил гримасу Питер.

- Ты не знаешь, что такое боль, - ответила Ванму. - Ты опять смеешься надо мной.

Питер резко отодвинул в сторону тарелку и встал:

– Увидимся дома. Надеюсь, ты найдешь дорогу обратно?

– А тебе не все равно?

– Хорошо, что у меня нет души, – буркнул Питер. – Иначе бы ты не замедлила вытереть об нее ноги.

– Даже если бы твоя душа расстелилась у моих ног, – заявила Ванму, – я бы перешагнула через нее, чтобы не запачкаться.

– Тебе нужно отдохнуть, – сказал Питер. – В той работе, что ждет меня впереди, мне потребуется твой разум, а не острый язычок.

Он вышел из ресторана. Костюм сидел на нем из рук вон плохо. Люди оглядывались. В нем было слишком много достоинства и силы, чтобы носить столь аляповатые одеяния. Ванму заметила, что косые взгляды пристыдили его. Он постарался шагать быстрее, потому что понимал, что одежда не подходит ему. Наверняка он прикажет Джейн заказать что-нибудь более традиционное, более подходящее зрелому человеку, более соответствующее его жажде почестей.

«Тогда как мне нужно такое одеяние, которое вообще скроет меня от людских глаз. А еще лучше такое платье, которое унесет меня далеко-далеко отсюда, закинет во Вне-мир и вернет обратно в дом Хань Фэй-цзы, где я смогу взглянуть в глаза, в которых не будет ни жалости, ни презрения.

Ни боли. Ибо глаза Питера переполняет страшная боль, я была несправедлива к нему, когда сказала, что он ничего не чувствует. Я была не права. Я слишком лелеяла собственную боль, поэтому решила, что его нападки дают мне право оскорбить его еще сильнее.

Однако если я извинюсь, он опять осыплет меня насмешками.

Но пусть лучше меня высмеют за то, что я поступила правильно, чем будут уважать за ошибки. Этому научил меня Хань Фэй-цзы? Нет. Я родилась с этим

принципом. Как говорила моя мама, гордыни много, гордыни».

Вернувшись в квартиру, она обнаружила, что Питер уже спит. Совершенно вымотавшись за день, Ванму решила отложить извинения на утро и тоже легла спать. Каждый из них ночью просыпался, но в разное время, а к утру боль от вчерашней ссоры несколько поуспокоилась. Их ждала работа, и Ванму было куда важнее определиться, что следует предпринять сегодня, чем залечивать провал, который в свете утреннего солнца показался ей незначительной трещинкой, пробежавшей в споре между уставшими друзьями.

- Человек, которого Джейн предложила нам навестить, - философ.

- Как я? - спросила Ванму, вспомнив о своей предполагаемой профессии.

- Именно это я и хотел обсудить с тобой. На Священном Ветре два основных направления философии. Аимаина Хикари, человек, с которым мы встретимся, - философ-аналитик. У тебя не хватит образования, чтобы соревноваться с ним. Поэтому ты будешь представлять другую философию. Афористичную и мантичную[9 - Мантика - комплекс ритуалов, практик и воззрений, основанных на мифомагической, мифопоэтической картине мира. Термин этимологически восходит к «mania» (глас безумного). В качестве философского понятия мантика легализируется стоиками, различавшими «натуральную» (энтузиастическую) и «искусственную» (толкующую знаменья) мантику. Есть также версия о связи мантики с именем гадательницы Манто, дочери жреца-предсказателя Тересия. Чуть дальше в тексте романа обыгрывается созвучие слов «mantic» (мантика) и «mantis» (богомол)]. Философы этой школы придерживаются скупых, но содержательных фраз, которые должны поражать окружающих своей кажущейся неуместностью.

- А мои предполагаемые афоризмы обязательно должны только казаться неуместными?

- Об этом можешь не беспокоиться. Философы-гномисты предоставляют другим право увязывать смысл изреченных афоризмов с окружающим миром. Поэтому каждый дурак может стать философом этой школы.

Ванму почувствовала, как внутри ее, словно ртуть в градуснике, поднимается злость.

– Миленькую ты мне подобрал профессию.

– Не обижайся, – сказал Питер. – Нам с Джейн пришлось выбрать тебе такую роль, сыграв которую ты не выдашь себя как необразованную уроженку мира Пути. Пойми, ни один ребенок на планете Священный Ветер не в состоянии даже представить, как это – не получить образования. В отличие от Пути здесь подобное не допускается.

Ванму не стала больше спорить. Какой смысл? Если в споре кто-то заявляет: «Я умен! Я знаю всё и вся!» – то дискуссию можно тут же прекращать. Эта мысль показалась ей очень похожей на афоризмы, о которых говорил Питер. Она поделилась с ним своими размышлениями.

– Нет-нет, я имел в виду не эпиграммы, – возразил Питер. – Они слишком легко поддаются расшифровке. На самом деле философы-гномисты изъясняются куда более загадочно. К примеру, ты могла бы сказать: «Скворец прыгает по дереву в поисках жучка». Тогда бы мне пришлось увязывать твою фразу с нынешней ситуацией. Кто я такой? Скворец? Дерево? Жучок? Вот в чем вся красота.

– Мне кажется, из нас ты куда больше подходишь на роль философа-гномиста.

Питер закатил глаза и направился к двери.

– Питер, – окликнула она, не двигаясь с места.

Он обернулся.

– Может быть, я буду более полезна, если пойму, зачем мы встречаемся с этим человеком и кто он такой?

Питер пожал плечами:

– Наверное. Хотя нам точно известно, что Аимаина Хикари не тот человек и даже не один из тех, кого мы ищем.

– А кого именно мы ищем?

- Мы ищем центральную группировку, обладающую властью над Ста Мирами.

- Тогда почему мы здесь, а не в Межзвездном Конгрессе?

- Межзвездный Конгресс – это декорация. А делегаты – актеры. Сценарии пишутся в другом месте.

- На этой планете.

- Фракция Конгресса, настоявшая на отправке флота к Лузитании, никогда не выступала в поддержку войн. Любители насилия, конечно, тоже радуются, поскольку верят, что насилие – основа миропорядка и так далее, но им бы никогда не удалось набрать достаточное количество голосов в свою поддержку. Если бы не центральная фракция, на которую огромное влияние оказывает школа философов с планеты Священный Ветер.

- Которую возглавляет Аимаина Хикари?

- Все гораздо запутаннее. На самом деле он философ-одиночка и ни к какой школе не принадлежит. Но он представляет сливки японской мысли, что ставит его во главе философов, влияющих на ключевую фракцию Конгресса.

- Сколько же костяшек ты намерен выстроить, чтобы, повалившись, они сбили друг друга?

- Нет, это недостаточно афористично. Слишком определено.

- Я еще не играю, Питер. Ну, так что за идеи черпает ключевая фракция из этой философской школы?

Питер вздохнул и сел – на стул, естественно, весь изогнувшись. «Вот таким европейский человек очень нравится себе, – подумала сидящая на полу Ванму. – Голова высоко поднята, азиатская женщина с восторгом впитывает каждое слово. Но, с моей точки зрения, он отделяет себя от земли. Я слышу его слова, но в то же самое время знаю, что только я могу напитать их жизненной силой».

– Ключевая фракция никогда не решилась бы отправить такую огромную флотилию разбираться в какой-то местной заварушке на далекой колонии. Как тебе известно, началось все с того, что два ксенолога, Миро Рибейра и Кванда Мукумби, были пойманы на месте преступления – они обучали сельскому хозяйству пеквениньос Лузитании. Это приравнивалось к культурному вмешательству в дела иной расы, поэтому их вызвали с планеты на суд. Полет на межпланетный суд, учитывая, что корабли Конгресса в отличие от наших не преодолевают скорости света, означает, что, даже если предполагаемый преступник вернется, все, кого он знает, уже постареют или умрут. Это крайне жестокая мера и приравнивается к заочно вынесенному приговору. Конгресс не сомневался в том, что правительство Лузитании заявит свой протест, но вряд ли они ожидали, что, отключив ансибль, взбунтуется вся планета. Крутые парни из Конгресса немедленно принялись лоббировать отправку на Лузитанию корабля с наемниками, которые восстановили бы на планете порядок. Но поддержку они получили, только когда...

– Только когда вспомнили о вирусе десколады.

– Именно. Фракция, протестующая против применения силы, привела десколаду как причину, почему не следует посылать на Лузитанию войска. Ведь каждый, кто заразится этим вирусом, должен будет остаться на Лузитании и всю жизнь принимать лекарства, чтобы воспрепятствовать губительному действию вируса на организм. Впервые во всеуслышание было объявлено об опасности десколады, тогда-то и возникла наша ключевая фракция, состоящая из людей, которые давным-давно призывали наложить на Лузитанию карантин. А что может быть опаснее, чем быстро распространяющийся, полуразумный вирус, попавший в руки мятежников? В ту фракцию входили делегаты, на которых сильное влияние оказала школа философов-необходимистов с планеты Священный Ветер.

Ванму кивнула:

– И каковы основы философии необходимистов?

– Согласно их убеждениям, человек должен жить в мире и гармонии с окружающей средой, не должен ничего менять в ней, – наоборот, к природе нужно приспособливаться. Однако, когда возникает серьезная угроза выживанию, человек обязан действовать твердо и решительно. Основной постулат: «Действуй, только когда возникнет необходимость, но в этом случае

рази беспощадно и стремительно». Так что если милитаристы хотели отправить простые войска, делегаты под влиянием необходимистов настояли на том, чтобы на Лузитанию был снаряжен целый флот, вооруженный молекулярным дезинтегратором, который раз и навсегда расправится с угрозой вируса десколады. Забавная последовательность, не правда ли?

- Я никакой последовательности не нахожу.

- Ну как же! Эндер Виггин первым использовал Маленького Доктора, чтобы уничтожить родную планету жукеров. Теперь дезинтегратор будет использован второй раз - против того самого мира, на котором обосновался Эндер! Это еще что. Первый философ-необходимист по имени Оока использовал образ Эндера как основной пример для иллюстрации своих идей. Поскольку жуконы представляли опасную угрозу будущему человечества, единственным приемлемым выходом из ситуации было полное и беспощадное уничтожение врага. Никаких полумер не принималось. Конечно, в конце концов выяснилось, что жуконы на самом деле никакой угрозы не представляли, как написал сам Эндер в своей книге «Королева Улья», но Оока все равно стоял на своем, говоря, что во времена, когда военные генералы натравили Эндера на врага, правда еще не была известна. Как говорил Оока: никогда не вступай в затяжное сражение с врагом. Смысл его изречения состоит в том, что никогда ни на кого не нападай, но если уж ты вынужден напасть, то бей только один раз и бей так, чтобы твой враг никогда, никогда не смог тебе ответить.

- Эндер послужил им примером...

- Вот именно. Действия Эндера послужили оправданием, когда те же самые меры решили применить против другой беззащитной расы.

- Но десколада не беззащитна.

- Согласен, - кивнул Питер. - Но ведь Эндер и Эла нашли способ выйти из положения? Они нанесли удар самой десколаде. Но Конгресс уже бесполезно убеждать и просить отозвать флот. Потому что вмешалась Джейн, обрубив связь между ансиблями Конгресса и флота. Теперь они решили, что столкнулись с огромной тайной организацией, опутавшей сетью все Сто Миров. Какой бы аргумент мы теперь ни привели, нам все равно не поверят. Да и кто поверит явно вымышленной сказке о первом путешествии во Вне-мир, где Эла создала

реколаду, Миро восстановил свое тело, а Эндер сотворил мою дорогую сестренку и меня?

- Значит, необходимисты в Конгрессе...

- Они себя так не называют. Но влияние этой философии очень сильно. По нашему с Джейн мнению, если нам удастся заставить какого-нибудь влиятельного необходимиста выступить против уничтожения Лузитании – заставить, естественно, это значит убедить, – то солидарное большинство, выступающее в поддержку флота, немедленно рассыплется на части. На самом деле это большинство – весьма хлипкая штука; многие страшатся использовать столь разрушительную силу против обыкновенного мирка-колонии, другие еще больше боятся того, что Конгресс уничтожит пеквениньос, первую разумную расу, обнаруженную с тех пор, как расправились с жукерами. Они бы с удовольствием проголосовали против флота, по крайней мере призвали бы установить карантин на планете.

- Тогда почему бы нам не выйти на самих необходимистов?

- Разве нас станут слушать? Если мы во всеуслышание объявим, что поддерживаем дело Лузитании, нас тут же кинут за решетку и подвергнут допросу. Если же нет, – кто мы такие, чтобы к нашим доводам прислушались?

- А этот Аимаина Хикари... Кто он такой?

- Некоторые зовут его философом Ямато. Все необходимисты Священного Ветра по своему происхождению японцы, поэтому философия необходимизма оказывает огромное влияние на миры японцев и все их колонии. Хикари хоть и не относится ни к какой философской школе, его почитают как хранителя истинного духа Японии.

- И если он скажет, что это не по-японски – уничтожать Лузитанию...

- Этого он говорить не будет. Просто так. Основная работа, которая покрыла его славой как философа Ямато, говорила о том, что японцы от рождения суть взбунтовавшиеся марионетки. Сначала за их ниточки дергала китайская культура. Как утверждает Хикари, Япония поняла, чего стоят уроки китайцев, когда Китай предпринял попытку захвата японских островов, – кстати, этому

вторжению помешал страшный шторм, который называется «камикадзе», в переводе – «Священный Ветер». Поэтому можешь быть уверена, на этой планете каждый помнит эту древнюю историю. В общем, после случившегося Япония замкнулась на своих островках и сначала, когда прибыли европейцы, даже отказалась устанавливать с ними какие бы то ни было отношения. Но американский флот заставил Японию выйти на мировой рынок, тогда-то японцы и поквитались за потерянное время. Реставрация Мейдзи привела к тому, что Япония превратилась в промышленную западную державу, – как выразился Хикари, марионетка обзавелась новыми ниточками. И снова этой стране был преподан суровый урок. Поскольку в то время все европейцы были империалистами и делили между собой Африку и Азию, Япония тоже решила отхватить кусочек от империалистического пирога. Под руку подвернулся Китай, старый кукловод. Началось вторжение...

– На Пути нам преподавали историю этого вторжения, – перебила его Ванму.

– Я вообще удивлен, что вам преподавали что-либо, кроме монгольского ига.

– Японцы были остановлены американцами, которые сбросили первые атомные бомбы на два японских города.

– Тогда эти бомбы были неким эквивалентом сегодняшнего Маленького Доктора. Страшное оружие, которому невозможно было противостоять. Однако вскоре японцы даже научились гордиться этими ядерными взрывами, – мол, мы первыми испытали на своей шкуре, что это такое. Случившееся стало предметом их вечной национальной скорби и в некотором смысле принесло выгоду, подтолкнув японцев на осваивание новых колоний-миров, чтобы не быть больше беспомощной островной нацией. Вот тут-то и появляется на сцене Аимаина Хикари и говорит... Кстати, это имя он выбрал себе сам, именно так он подписался на первой своей книге. Его псевдоним переводится как «Неясный Свет».

– Как афористично, – хмыкнула Ванму.

Питер улыбнулся:

– Скажи ему об этом, он будет очень горд. В общем, в своей первой книге Хикари говорит: «Японцам были преподаны суровые уроки. Эти атомные бомбы

обрезали наши нити. Япония пала. Гордое старое правительство было уничтожено, император стал символической фигурой, в Японию явилась демократия, за которой последовали богатство и власть».

– Стало быть, бомбы были благословением Божьим? – с сомнением переспросила Ванму.

– Нет, не совсем. Он считает, что богатство уничтожило дух Японии. Они взяли себе в отцы своего же палача. Взяли на себя роль внебрачного дитяти Америки, рожденного взрывом американских же бомб. Снова стали марионетками.

– Что же у него общего с необходимистами?

– По его словам, Япония подверглась бомбардировке именно потому, что они слишком европеизировались. Они обращались с Китаем, как Европа – с Америкой, вели себя эгоистично, грубо. Но предки не могли видеть, как их дети превращаются в зверей. И боги Японии, пославшие Священный Ветер, остановивший китайский флот, обрекли японцев на американские бомбы, чтобы не дать стране превратиться в очередную европейскую державу. Японцы должны были снести американскую оккупацию, чтобы, когда время власти Америки подойдет к концу, снова возродиться в своей первоизданной чистоте и единстве. Книга Хикари называлась «Еще не поздно».

– Могу поспорить, необходимисты воспользовались американской бомбежкой Японии как еще одним примером обоснованного применения силы.

– Ни один японец не осмелился бы хвалиться американской бомбежкой, пока Хикари не предложил иной взгляд на положение вещей. Трагедия Японии толкуется теперь как попытка богов очистить свой народ.

– Значит, ты говоришь, необходимисты прислушиваются к Хикари и уважают его, так что если он изменит свой образ мыслей, то и они займут другую позицию. Только он никогда этого не сделает, поскольку верит в то, что бомбежка Японии была священным даром...

– Мы надеемся, что все-таки сумеем переубедить его, – сказал Питер, – иначе наше путешествие станет бессмысленной тратой времени. Основная проблема в том, что вряд ли он просто так воспримет наши доводы, а Джейн, изучившая его

работы, никак не может определить, кто или что влияет на него. Мы должны сначала поговорить с ним, чтобы выяснить, куда следовать дальше. Может быть, таким образом нам удастся изменить приговор Конгресса.

- Непростое дельце, - заметила Ванму.

- Вот почему я не хотел вдаваться в подробные объяснения. Ну и что ты будешь теперь делать со всей этой информацией? вступишь в дискуссию по вопросам истории с первоклассным философом-аналитиком, каковым считается Хикари?

- Я буду слушать, - ответила Ванму.

- Именно таков был твой первоначальный план, - напомнил Питер.

- Зато теперь я буду знать, кого слушаю.

- Джейн считает, что мне не стоило рассказывать тебе все это, потому что теперь ты будешь расценивать все сказанное им в свете наших с Джейн отношений.

- Передай Джейн, что только тот, кто ценит чистоту невежества, способен возыметь выгоду, обретя знание.

Питер расхохотался.

- Снова эпиграммы, - сказал он. - Нет, ты должна была сказать...

- Не учи меня создавать афоризмы, - перебила Ванму и поднялась с пола. Теперь она была на голову выше Питера. - А что касается мантичности - не забывай, самка мантиса съедает своего самца.

- Я не твой самец, - возразил Питер, - а под «мантичностью» подразумевается философия, которая основывается скорее на видениях, вдохновении и интуиции, нежели на знаниях и логике.

- Если ты не мой самец, - фыркнула Ванму, - перестань обращаться со мной как со своей женой.

Питер растерянно поглядел на нее и отвернулся.

- А когда это я обращался с тобой как с женой?

- На планете Путь муж, согласно обычаям, считает свою жену полной дурой и все время учит ее - даже тому, что она уже знает. На Пути поучающая мужа жена все время обязана притворяться, будто она всего лишь напоминает ему то, чему он ее когда-то научил.

- Стало быть, я неотесанный, бесчувственный чурбан, да?

- Пожалуйста, когда мы встретимся с Аймаина Хикари, помни об одном, - попросила Ванму, - он и я обладаем неким знанием, которое тебе, к сожалению, недоступно.

- Каким же это?

- Знанием жизни.

Она заметила отразившуюся на его лице боль и сразу пожалела о сказанных словах. Чисто рефлекторно пожалела - с самого раннего детства ее приучали извиняться, если она причинила кому-то боль, даже если человек ее заслужил.

- Ой, - попытался обернуть все в шутку Питер.

Но Ванму не проявила милосердия - она больше не служанка.

- Ты так гордишься тем, что знаешь больше меня, но все то, что ты знаешь, либо Эндер вложил тебе в голову, либо Джейн нашептала на ушко. У меня нет Джейн, у меня нет Эндера. Свои знания я приобрела тяжким трудом. Я пережила их. Поэтому избавь меня, пожалуйста, от своего презрения. В этой экспедиции я смогу пригодиться, только если буду знать все, что известно тебе, - потому что тому, что знаешь ты, я смогу научиться, а вот то, что знаю я, ты в школе не получишь.

С шутками покончено. Лицо Питера покраснело от гнева.

– Да как... Да кто...

– Да как я смею, – договорила за него Ванму то, что он хотел сказать. – Да кто я такая.

– Я этого не говорил, – тихо буркнул Питер, отворачиваясь.

– Что, я посмела забыть отведенное мне место? – поинтересовалась она. – Хань Фэй-цзы рассказывал мне о Питере Виггине. О настоящем Питере, а не о его копии. Как Питер втянул Валентину в свой заговор, чтобы стать Гегемоном Земли. Как он заставил ее писать статьи под псевдонимом Демосфен, проникнутые бунтарской демагогией, тогда как сам назвался Локком[10 - Джон Локк (1632–1704) – британский философ, один из самых значительных деятелей эпохи Просвещения.] и писал статьи, насыщенные глубокими мыслями. Но идеи той самой демагогии принадлежали ему же.

– Умные мысли тоже были его, – сказал Питер.

– Верно, – кивнула Ванму. – Однако у него не было того, что было у Валентины, того, чего он никогда не видел, на что никогда не обращал внимания. У него не было человеческой души.

– Это Хань Фэй-цзы сказал?

– Да.

– Осел он, твой Хань Фэй-цзы! – рявкнул Питер. – Потому что у Питера была та же душа, что и у Валентины. – Он поднялся и угрожающе шагнул к ней. – А вот у меня, Ванму, ее нет.

На какую-то секунду она испугалась. Откуда ей знать, что за насилие живет в нем? Что за черный гнев нашел выход в этом псевдочеловеке, созданном Эндером?

Но Питер так и не ударил ее. Может быть, в этом не было необходимости.

* * *

Аимаина Хикари лично вышел к воротам своего сада, чтобы приветствовать их и провести в дом. Одет он был очень просто, на шее качался ковчежец, который носили все японцы, соблюдающие традиции Священного Ветра: в небольшой ладанке содержался прах самых достойных представителей семейства. Питер объяснил Ванму, что, когда такой человек, как Хикари, умирает, горстка пепла из его ковчега смешивается с его пеплом и переходит по наследству детям или внукам. Таким образом, у него на груди покоился прах всего древнего семейства, почившего долгим сном, – это самый драгоценный подарок, который он сможет передать потомкам. Этот обычай произвел огромное впечатление на Ванму, у которой не было предков, оставшихся в памяти народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Шекспир У. Генрих IV (пер. Е. Бируковой).

2

Отсылка к сказке Карло Коллоди «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» (1883). Джеппетто – мастер, вырезавший Пиноккио из бревна.

3

Таоизм (или даосизм) – философская, этическая и религиозная традиция в Китае. Синтоизм – традиционная религия Японии, основанная на анимистических верованиях древних японцев (объектами поклонения являются многочисленные божества и духи умерших).

4

Отсылка к книге Лаймена Фрэнка Баума «Удивительный волшебник страны Оз» (1900).

5

Шекспир У. Ромео и Джульетта (пер. Д. Михайловского).

6

Школа (португ.).

7

Колледж (португ.).

8

Прости (португ.).

9

Мантика – комплекс ритуалов, практик и воззрений, основанных на мифомагической, мифопоэтической картине мира. Термин этимологически восходит к «mania» (глас безумного). В качестве философского понятия мантика легализируется стоиками, различавшими «натуральную» (энтузиастическую) и «искусственную» (толкующую знаменья) мантику. Есть также версия о связи мантики с именем гадательницы Манто, дочери жреца-предсказателя Тересия. Чуть дальше в тексте романа обыгрывается созвучие слов «mantic» (мантика) и «mantis» (богомол).

10

Джон Локк (1632–1704) – британский философ, один из самых значительных деятелей эпохи Просвещения.

Купить: <https://telnovel.com/orson-skott-kard/deti-razuma>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)